

Катриона
Уорд

INSPIRIA

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ САНДАЙЛА

СКОЛЬКО БЫ ТЫ НИ БЕЖАЛА,
ПРОШЛОЕ НАСТИГНЕТ...



18+



INSPIRIA

Ток. Мировые хиты

Катриона Уорд

Страшные истории Сандайла

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уорд К.

Страшные истории Сандайла / К. Уорд — «Эксмо»,
2022 — (Ток. Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-178088-3

ВЫБОР РЕДАКЦИЙ AMAZON и USA TODAY. Мрачная семейная тайна, токсичные отношения и тени прошлого в жаркой пустыне – это по-настоящему запутанный и тревожный психологический триллер в лучших традициях Стивена Кинга. Сколько бы ты ни бежала, прошлое настигнет... 32-летняя Роб всего лишь хочет нормальной жизни, ведь у нее для этого есть всё: муж, двое детей и миленький домик в пригороде. Но тут появляется новый повод для тревог – ее старшая дочь Колли, странная и подозрительная девочка, начинает собирать кости животных и разговаривать с вымышленными друзьями. Роб видит в дочери тьму, которая слишком сильно напоминает ей о собственном прошлом. Женщина понимает, что пришло время вернуться туда, где она выросла, и вместе с Колли отправляется в Сандайл – местечко, расположенное в безлюдной пустыне Мохаве. И здесь начинают происходить жуткие вещи... Теперь черед Колли остерегаться своей матери: Роб зачем-то копает ямы на заднем дворе и рассказывает безумные истории из своего детства о загадочной сестре-близнеце. Кажется, лишь одна из них сможет выбраться из этой пустыни живой. «НЕ ПРОПУСТИТЕ ЭТУ КНИГУ! Истинно ужасающе...» – Стивен Кинг «На сегодня Уорд – одна из самых талантливых авторов в этом жанре. История, в которой все оборачивается не тем, чем кажется, похожа на комнату с зеркалами. Вас ждут такие повороты, что после них невозможно будет уснуть». – Алекс Михаэлидис «Во время чтения "Сандайла" сердце уходит в пятки». – Джо Хилл «В этом романе Катриона Уорд сплела яркую историю о семье, смерти, галлюцинациях и наследственной травме... Любителям готической литературы и напряженных психологических триллеров читать обязательно». – Publishers Weekly «Есть две вещи, которые вам необходимо знать об этом романе. Во-первых, это гениально. Во-вторых, это ужасно, правдиво и пугающе. Катриона Уорд знает, что такое хоррор». – Алма Катсу

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-178088-3

© Уорд К., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Роб	7
Эрроувуд	25
Роб	27
Колли	35
Роб	36
Колли	39
Роб	42
Колли	48
Роб	51
Эрроувуд	52
Колли	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Катриона Уорд

Страшные истории Сандайла

Catriona Ward

SUNDIAL

Copyright © Catriona Ward, 2022

© Липка В.М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается Агнес Матильде Кавендиш Гиббонс и Джексону
Блэру Миллеру – самым удивительным и замечательным крестникам, о
которых только можно было мечтать.*

Роб

Убедиться, что у мужа есть другая женщина, мне помогла ветрянка.

Первый волдырь на коже Энни я обнаруживаю, когда купаю ее в ванне утром в тот день, когда нас пригласили к себе на праздник Гудвины. Окно – синий квадрат зимнего неба. На белой плитке резким силуэтом лежит тень от веток платана с облетевшими листьями. Энни сидит, скрестив ноги в чуть теплой воде, и шевелит губами, украдкой напевая какую-то песенку, предназначенную единственно для пластмассовых зверушек, покачивающихся на воде рядом с ней. Энни никогда не залезет в ванну, если вода в ней выше температуры тела. Ей не нравится ни слишком соленое, ни слишком сладкое, ни слишком кислое, а истории больше всего она любит те, в которых ровным счетом ничего не происходит. К крайностям она относится с подозрением. Она моя младшая дочь, и ее хрупкое здоровье очень меня беспокоит, чего никогда не было с Колли. Для девочки девяти лет Энни слишком маленькая, и окружающим нередко кажется, что ей меньше. Что до Колли, то о ней я тоже тревожусь, только совсем по другому поводу.

Праздник у Гудвинов давно стал январской традицией. Они называют его «вечеринкой по искоренению хандры». Это жизнерадостное семейство, обосновавшееся по соседству слева от нас. Их двое умненьких ребят, Натан и Сэм, примерно возраста Колли; у них интересные друзья и замечательный вкус во всем, что касается искусства, еды и вина. Это единственное в году мероприятие, которого с нетерпением ждет вся наша семья. У Гудвинов мы *веселимся как никогда*.

Энни наклоняется вперед и шепчет что-то резиновой уточке у нее на коленях. От вида ее ранимого позвоночника и мокрых, темных, прилипших к затылку прядок волос у меня к горлу подкатывает ком. Не знаю, как у других, но в моем случае грань между любовью и тошнотой нередко становится неразличимой.

– Руки вверх, – говорю я.

А когда Энни послушно выполняет команду, вижу красную отметину у нее на плече. И тут же ее узнаю. Потом кладу ладонь сначала ей на лоб, потом на спинку. И там, и там горячо – слишком горячо.

Энни чешет сыпь, я сжимаю ее ручку в своей ладони и ласково говорю:

– Прекрати, свеколка. От этого будет только хуже.

– Никакая я не свеколка, – тихо и недовольно отвечает она.

– Ну тогда капусточка.

– Нет!

– В таком случае, может, брюквочка?

– Нет, мам!

Но больше не чешется. Послушный ребенок.

Я вдруг ловлю себя на мысли, что и сама чешу руку из сочувствия, порой путая организмы своих детей со своим собственным.

Укладываю Энни в постель и шагаю в ванную, где у нас стоит шкафчик с полками, битком набитыми вещами активной семьи с двумя детьми. Отдвигаю старый сироп от кашля, одноразовые бритвы, маникюрные ножницы, препараты для диабета Ирвина, мои противозачаточные таблетки, ирригатор для полости рта, стоящий без дела, обезболивающие и сломанную пудреницу. Выдастся минутка, здесь надо будет навести порядок. Предмет своих поисков – полный пузырек каламина с побелевшим от налета горлышком, но все еще годный – нахожу у самой задней стенки. Я купила его несколько месяцев назад, когда у Колли обнаружилась экзема.

Температура у Энни тридцать восемь и шесть, а глаза блуждают еще больше обычного. Эх, и как я раньше ничего не заметила? На меня наваливается волна жгучей вины. Она чешет руку.

– Нет, солнышко, не надо, – говорю я, достаю из комода с зеркалом ее варежки, хватаю из ящика с инструментами Ирвина моток скотча и приматываю их к рукавам ее пижамы.

После чего даю ей тайленол и с ног до головы намазываю каламином.

– Роб! – зовет меня с лестницы Ирвин хриплым со сна голосом, кашляет, прочищая горло, и говорит: – Овсянка готова.

А через секунду добавляет:

– Кофе тоже.

Я присаживаюсь рядом с Энни, и мне на мгновение передается ее изнеможение. Присутствие дочери всегда оказывает на меня благотворное влияние и способствует удачным мыслям. Мы с Ирвином уже слишком давно катаемся на этой карусели.

Мысленно рисую в голове дерево возможных решений и их последствий. Затем спускаюсь сообщить дурную новость.

Колли на кухне вещает лихорадочным, высоким голосом.

– Его поймали! – говорит она. – Благодаря записи с камеры наблюдения на заправке. Это там он покупал цемент.

– Откуда ты об этом узнала, девочка моя? – с ноткой недовольства в голосе произносит Ирвин.

Мне его почти жаль. Колли обожает разглагольствовать об убийствах за завтраком.

– Что ты такое читала?

– Да так, – отвечает Колли, – там-сям. А женщину оправдали. Там очень трудно что-то доказать. Ему вкололи воздух – воздух и больше ничего. От этого развивается легочная эм-боли-я. Или эмбаблия? Да нет, точно эмболия.

Я подхожу к Ирвину, колдующему над кофемашиной, и тихо говорю:

– У Энни ветрянка. Ничего не понимаю. Где она ее подхватила? Да и потом у нее прививка.

– Она не дает стопроцентной гарантии.

Глаза Ирвина глубоко ввалились в темные глазницы и сверкают, как две загадки. Минувшая ночь выдалась не из лучших.

– Надо полагать, мы вошли в процент тех, кому не повезло, – говорю я.

Он натянуто улыбается и накладывает овсянку в тарелку Колли, по внутренней поверхности которой, прямо над кромкой каши, бежит мультяшный олень. Потом добавляет четыре клубнички и поливает все сверху тошнотворным сиропом, который так любит наша старшая дочь. Я предупреждающе кладу ему на плечо руку. *Не переборщи.* Организм Колли словно отказывается сообщать, когда ей уже хватит. Если за ней не следить, она будет есть до агонии, пока ее не стошнит. А с двумя больными детьми мне сегодня не справиться.

Ирвин отмахивается от меня, как лошадь от мухи, и подливает еще сиропа. Он обожает сладкое, которого ему нельзя, и поэтому кормит дочь пищей, которой хотел бы сам. Только вот сидеть с ней ночью потом придется совсем не ему.

Колли сидит за столом, не сводя с нас глаз. Моя попытка уговорить Ирвина не слишком усердствовать с сиропом явно не прошла мимо ее внимания. В груди пузырится чувство неловкости. Мне ни в жизнь не сказать, о чем думает Колли.

– Бедная Энни, – говорит она, обкусывая ноготок, – смайлик «грустная мордашка».

Привычка говорить на манер смайликов, этих крохотных картинок из текстовых сообщений, появилась у нее совсем недавно. Меня она то бесит, то кажется забавной.

Ирвин ставит перед Колли тарелку с кашей. Для своего возраста она крупновата, с бронзовой кожей, удивительно живыми зелеными глазами и широким угловатым лицом. Во время разговора оно кривится от усилия, будто его растягивают и сжимают, как аккордеон.

– Мама может приглядеть за Энни, – говорит Колли, – а мы с тобой, пап, пойдем к Гудвинам сами.

С этими словами она подцепляет пальцем немного каши из тарелки и сует ее в рот.

– Два смайлика: праздничный колпак и бокал вина.

У Ирвина и Колли что-то вроде небольшого клуба – только для них одних.

Он смотрит на меня, приподняв бровь. Точно так же он глядел на меня в баре, когда мы познакомились. Когда-то мое сердце от этого его взгляда билось резкими толчками. От его интимности. От молчаливого вопроса, ответ на который знаю только я.

– Возьми ложку, пожалуйста, – говорю я Колли. – Но предложенный тобой вариант не пройдет, милая. Нам всем придется остаться дома. Переносчиком ветрянки может стать ваша одежда. На празднике будет много детей, и мы не можем подвергать их риску заболеть.

– Роб, – говорит Ирвин, – пусть идет.

Он ждет не дождется надеть на себя маску, предназначенную для вечеринок, превратиться в симпатичного ученого и без конца приподнимать бровь в адрес тех, кто еще не видел этого бесчисленное количество раз. Но больше всего ему не терпится оказаться вместе с ней в толпе и издали переглядываться, разговаривая с другими людьми, оставляя на бокалах с вином влажные отпечатки, видя, как между ними через весь зал тонкой золотой нитью тянется страстное влечение. Я видела это раньше и наверняка увижу еще.

– Я хочу пообщаться с Натаном и Сэмом, – говорит Колли.

– Они живут с нами по соседству, так что ты можешь общаться с ними когда угодно, – отвечаю я.

– Но только если не переломаю себе ребра и не подхвачу гепатит, – гнет свое Колли. – А еще если не волю в себя отбеливатель и не умру.

– Колли, я тебя умоляю. Там будут малыши, беременные женщины и старики. Может, даже дети, не получившие прививок. Хочешь, чтобы они заболели из-за тебя? Это тебе не шутки. Так что остаемся дома. Уж я-то знаю, с какой скоростью распространяется эта зараза: стоит кому-то из моих четвероклассников загрипповать, и через неделю болеют все до единого.

Вопль Колли рождается где-то в брюшной полости, как рычание крупной кошки. Потом ракетой взмывает вверх, невероятно режет слух и набирает такую силу, что я воспринимаю его чуть ли не как удар и явственно вижу перед собой, будто звезды в ночи. Ирвин склоняется к ней и что-то шепчет на ушко. Крик Колли переходит в визг и становится все выше. Я смотрю мужу в глаза. Потом приподнимаю уголок рта – лишь самую малость. *Ну давай, пойдешь мне опять наперекор*, – мысленно адресую я ему. – *Не дрейфь, что же ты. Скажи Колли, что вы с ней отправитесь на эту тусовку*.

Он опускает взгляд и гладит дочь по плечу, нашептывая что-то об оладушках. Ее вопль обрывается и уступает место негромкому хихиканью. Они с Ирвином в упор смотрят на меня. Губы каждого расплываются в одинаковой едва заметной улыбке. Ее губы точно такие же, как у него. И это выводит меня из себя, хотя я и знаю, что беситься не стоит.

– Хватит! – рвется из моей груди крик. – Ты марш убираться в комнату. И простыни смени. Может, это позволит избавиться от странного запаха, который у тебя стоит.

Колли прикрывает рот и посмеивается в ладошку. Ирвин встает и принимается мыть посуду – с таким видом, будто все это его совершенно не касается. Я буравлю взглядом его красный затылок, над которым явно переусердствовал парикмахер, и испытываю жгучее желание чем-нибудь в него швырнуть – следуя его собственному примеру. Но это не в моей власти.

Я беру тарелку с недоеденной овсянкой Колли и несу на второй этаж. Затем горстями накладываю ее на сыпь Энни, чтобы утолить ее зуд. Она льнет к моей руке своей полыхающей жаром щечкой, и это приносит мне некоторое утешение.

* * *

Я отправляю Ханне Гудвин сообщение. *Прости, но Энни подхватила ветрянку, и нам всем лучше остаться дома. Смайлик «грустная мордашка».* Последние слова злобно удаляю. Привычки Колли заразительны. *Хорошенько там повеселитесь, а на той неделе загляните как-нибудь к нам опрокинуть по стаканчику на террасе. Р.*

Внимательно перечитываю и заменяю *Р.* на *Роб х.* Так-то лучше. Выглядит вполне нормально.

– Ничего, скучать не будем, – говорю я Ирвину и Колли, – проведем день всей семьей. Фильмы, игры, китайская еда...

Предлагаемый другими фильм для просмотра вызывает у каждого из нас самые бурные возражения. Двигаясь по пути наименьшего сопротивления, в конечном итоге мы решаем посмотреть киношку, которая не нравится никому, – о парне, преследуемом огромным кроликом, который, весьма вероятно, существует лишь у него в голове. Ирвин сидит между мной и Колли, обнимая нас за плечи. Каждые полчаса я поднимаюсь к Энни посмотреть, как она. Сразу после одиннадцати утра у соседей раздается музыка. Звучит смех, доносятся возбужденные голоса, вскоре переходящие в лихорадочный гам. Пару раз слышен звон бьющегося стекла. Ирвин добавляет громкости, но фильм в своей невероятной глупости не в состоянии надолго удержать наше внимание.

– Пойду в магазин за овсянкой и каламином, – говорит он.

Я знаю, что это означает, – вижу по тому, как он едва заметно двигает желваками. Сначала действительно пойдет за покупками, но на обратном пути обязательно заглянет на вечеринку что-нибудь выпить. Один-единственный стаканчик, конечно же. Начнется, по крайней мере, именно так. Меня душит такая злоба, что я почти ничего перед собой не вижу. От черных точек рябит в глазах.

– У нас есть и овсянка, и каламин, – говорю я.

– Мама же сказала, что ты тоже мог заразиться, – произносит Колли, даже не думая шутить, – и из-за тебя может заболеть какой-то ребенок.

В душе полыхает редкая вспышка любви и благодарности к ней, хотя я подозреваю, что эти слова вызваны единственно нежеланием оставаться наедине со мной.

Я чувствую, что настроение Ирвина упало до нуля. Мы не произносим ни звука. Воображаемый кролик на экране по-прежнему преследует парня. От соседей доносятся радостные возгласы, перекрываемые джазом.

– Все, хватит, – наконец говорю я и выключаю кино.

По опыту знаю, что семейная жизнь именно такова. Сначала пытаешься вести себя, как образцовые домочадцы в журналах и по телевизору, но потом на тебя всей своей тяжестью давит неудача.

По правде говоря, я не фанатка телевизора. Когда мне впервые довелось посмотреть боевик, я думала, что умру от волнения. Ощущение, по крайней мере, было такое. Мне совершенно невдомек, зачем заморачиваться просмотром мыльных опер или походами в кино. Я даже новости и те не смотрю и не читаю. Мне достаточно просто жить. Жизнь и без того яркая и мучительная.

Чтобы сломить сопротивление Ирвина, каждый раз требовались долгие месяцы настойчивых просьб и шантажа, но это сражение я все же выиграла, окончив колледж, устроившись

в школу учительницей, а после рождения Энни вернувшись к работе. Ирвин чрезмерно привержен традиционным ценностям. Добиться своего мне удалось, лишь заполучив должность в школе, где учились девочки, что давало возможность проводить с ними весь день под одной крышей. Кроме того, мы нуждались в деньгах. Отец Ирвина прилично потерял во время кризиса.

Работу я люблю. В школе меня прозвали заклинательницей детей. Прозвище, конечно же, шуточное, но с учениками я действительно превращаюсь в волшебницу. Замкнутые ребята, которых я беру под крыло, смущенно расцветают. Гиперактивные непоседы в моем присутствии становятся тихими и послушными. Четвероклассница, которую вся учительская знает как черепашку из-за склонности кусаться, когда ей скучно, пишет мне страстные рефераты на тему творчества Майи Энджелу. Дома такой властью я не обладаю.

Наш дом – квадратное строение под щипцовой крышей на удобной зеленой покатой лужайке в полчетверти акра – мне тоже очень нравится. Говорят ведь, что энергию и стиль дому придает именно женщина? Дверь с обеих сторон обрамляют два дубка. На задах расположена терраса, утопающая в тени высоких кленов, выстроившихся вдоль улицы. Эту террасу я за три недели построила сама по проекту, найденному в одной библиотечной книге. Это было проще простого. Достаточно было заказать пиломатериалы, а потом собрать их вместе, как конструктор. (Одна из немногих моих с Колли общих черт сводится к тому, что большую часть знаний о жизни мы черпаем из библиотечных книг.) Как бы то ни было, но посидеть там на закате или в жаркий день под сенью зеленой кленовой листвы просто здорово. Порой мне кажется, что я восседаю на вершинах деревьев. К тому же здесь не стоит никакого труда наводить порядок. Местной общине ни разу не пришлось просить нас подстричь траву, мульчировать две наши клумбы или же подмести выложенную известняком дорожку, широкая дуга которой упирается в белое крыльцо. Я сама содержу все это в полном порядке. Люблю наш дворик за его незамысловатость и простор. Как же он отличается от моих родных краев, где обжигающий, безжизненный песок и, куда ни глянь, одни камни. Когда день ото дня взираешь на этот пейзаж, он начинает казаться ловушкой.

Здесь же, среди аккуратных рядов домиков на одну семью, я чувствую себя в безопасности. В каждом дворике – причудливый намек на индивидуальность: здесь устроили купальню для птиц, там даже оборудовали небольшой бассейн. Вон там вагонку выкрасили в провокационный розовый цвет. Витражные окна, дверные молоточки всех мыслимых стилей, разный тип камня, которым выкладывают дорожки, – в своем выборе хозяева доходят до самых немыслимых крайностей. Но во всем этом заложен определенный смысл. Это маркеры, которыми местные жители помечают свой мир.

Я сказала, что чувствую себя здесь в безопасности. Точнее, в безопасности здесь скорее мои дети. Это не всегда одно и то же. По-видимому, для каждого наступает момент, когда приходится выбирать между тем и другим. Лучше быть частью коллектива, нашего семейства Кассенов, – так меньше замечаешь.

Ирвин уходит в свой кабинет и закрывает дверь. Колли достает карандаши. Она всегда знает, чем себя занять, и мне никогда не приходится устраивать ей разнос по поводу несделанных уроков. В ее натуре обнаруживаются неожиданные, потрясающие черты, способные принести облегчение. Девочка сидит в гостиной за столом с откидной крышкой, склонившись над самой страницей. Раздается нудный звук карандаша. Она что-то мурлычет себе под нос, явно не попадая в ноты. Это выводит меня из себя, я хочу велеть ей надеть очки, но подавляю в себе оба эти импульса. Потому что тактику освоила давным-давно, и из-за всякой ерунды больше ни с кем не связываюсь.

* * *

К часу дня сыпь Энни расползается по всему телу. Руки в варежках она сложила на груди, от дыхания на ее щеке трепещут темные волосики. Я проверяю скотч, с которым все в порядке, и отбрасываю прядку с ее рта.

– Мне слишком светло, – шепчет она.

Я зашториваю окно, погружая комнату в смутный, серебристый полумрак, и шепчу:

– Хочешь, я зажгу звезды?

– Да, – шепчет она в ответ, не открывая глаз.

Я подхожу к ночному столику и включаю ночник. Тускло освещенная комната озаряется светом лампы в форме звезды – нежнейшего розового цвета, то ли карамели, то ли чуть тронутого красным пиона, в котором видят сны маленькие девочки. Я чувствую, что Энни всегда ощущает себя в безопасности, когда горит ее лампа. Хотя и понимаю, что в этом нет никакого смысла.

Когда я поднимаю глаза, в дверном проеме стоит Ирвин. Я даже не слышала, как он пришел. Он всегда отличался способностью замирать совершенно беззвучно, будто даже не дыша. В живом существе такая особенность здорово действует на нервы.

– Как она?

– Спит.

– Не срывай свою злость на детях, Роб, – говорит он, – Колли и в самом деле хочет пойти на вечеринку. Пусть бы себе пошла. Не стоит держать ее взаперти из-за Энни.

Девочка шевелится, открывает один глаз и тихо просит:

– Воды.

– Ну конечно, солнышко мое, мамочка сейчас принесет. Прочь с дороги, – цежу я сквозь стиснутые зубы, проходя мимо него, – это ты во всем виноват.

Он яростно поворачивается ко мне спиной и направляется в ванную принять лекарство от диабета. Чтобы найти его, ему понадобится пара минут – я спрятала препарат в самой глубокой полке шкафчика за старым тюбиком вазелина. Мелочь, конечно, но ничего другого в моем распоряжении на сегодняшний день нет.

* * *

Ссоры начинаются всегда по-разному, но заканчиваются одинаково – мы жалим друг друга, как змеи, я шиплю, запихивая посуду в посудомоечную машину или складывая выстиранное белье, он проверяет рефераты и тычет ручкой в пустоту. При этом каждый старается не разбудить детей, которые спят наверху. В конечном итоге мы валимся в постель, совершенно лишившись сил, вымотанные пожирающим нас ядом.

Минувшим вечером все началось с электрических зубных щеток, в которых сели аккумуляторы. И его и моя стояли на зарядке, но кто-то отключил от питания в ванной розетки, так что они разрядились. Скверную привычку баловаться с выключателями у нас имеет Колли.

Началось все с зубных щеток, но совсем скоро мы перешли на лаборантку Кэтрин. Ирвин работает допоздна. Мне это без разницы. Допоздна работает и лаборантка. Кэти, как он ее называет, пользуется духами «Сеншнт». Мне об этом известно потому, что ими провонял не только его костюм, но и весь шкаф.

Я шипела, сжав в кулаки руки и полыхая глазами. У меня так перехватило горло, что слова просачивались из него, будто желчь.

Ирвин уже стал тыкать. Он меня никогда даже пальцем не трогает – только тычет. Его острый палец трепещет в дюйме от моего лица, подрагивая в такт словам: «Когда мы познакомились, ты этого и хотела. А теперь, добившись своего, только то и можешь, что ныть».

Обычная грязь взрослой жизни, в которую два человека погружаются по самое не могу, а вина становится гобеленом, сотканным настолько плотно, что его даже нельзя распустить.

Я пытаюсь читать, но вскоре слышу на втором этаже плач Энни.

– Нет, – всхлипывает она, – нет, нет!

Я открываю дверь. Они с Колли дерутся, вырывая друг у друга какой-то предмет. Это розовая звездообразная лампа. Энни запрокинула голову назад, от горя ее ротик превратился в черное «о». Колли лишь закусила нижнюю губу, в остальном ее лицо больше не выражает никаких эмоций.

– Отдай, – сдавленным голосом произносит она, – иначе кое-кто умрет.

– Я ненавижу тебя, Колли, – говорит Энни, – тебя ненавидит Бог.

И бьет сестру рукой в варежке.

Я их растаскиваю. Лампа каким-то чудом остается невредимой. Я выхватываю ее из влажных, цепких рук Колли и ставлю на подоконник подальше от дочерей, где она будет в безопасности. Один только бог знает, зачем она понадобилась Колли.

– Мам, – говорит та, – не отдавай ее ей!

– Она меня обижает!

– Господи боже ты мой! – ору я. – Угмонитесь! Обе! Каждая в руки по книжке и читать!

Ирвин сидит на кухне, закинув ноги на стул. Я подавляю вспыхнувший в груди приступ гнева. Ему прекрасно известно, как я терпеть не могу видеть его грязные ноги на моих замечательных стульях.

Кухню я люблю больше всего. В свое время мне пришлось здорово попотеть, выбирая древесину для мебели, и теперь я никогда не забываю натирать ее мастикой по воскресеньям. Узор керамической плитки на полу – спирали нежной серо-голубой глазури – был выбран тоже мной. Я же смастерила полку и стол. Если не торопиться, плотницкое дело не составляет особого труда. Потом развесила там сковородки с медным дном – по восходящей, от самой маленькой до самой большой.

На кухонной стойке стоит миска с чем-то рыхлым. Посередине, на самом почетном месте.

– Что это? – спрашиваю я, направляясь к буфету за аспирином. Не для Энни, для себя.

– Да вот, решил сварганить пудинг с изюмом, – отвечает Ирвин.

Готовить он не любит, но при этом гордится своими пирогами и пудингами – пересыщенными крахмалом безвкусными английскими блюдами, которые готовят на пару. Считает их стильными.

– Попробуй, Роб, – говорит он, – если мало изюма, скажи, я доложу.

Этого мне хочется меньше всего, но я, в который раз не желая ругаться из-за пустяков, беру ложку, с тоской думая об Энни и Колли. Они ведь так хорошо дружили и всегда вместе играли. Это можно было бы списать на трудный возраст Колли, беда лишь в том, что для нее любой возраст трудный.

Я сую в миску ложку, даже не глядя на то, что в ней. И тут же кричу, не в состоянии сдержаться, хотя и знаю, что он только того и ждет.

Ирвин хватается за живот и хохочет так, что начинает задыхаться.

– Видела бы ты сейчас свое лицо!

– Кошмар! – дрожащим голосом говорю я. – Поступать так с другими просто ужасно.

– Мне надо было их немного разогреть, – спокойно отвечает он, – завтра мы с Джоном идем на рыбалку.

Теперь я ощущаю смрад опарышей – кислую, аммиачную, гнилую вонь. Эту наживку Ирвин в больших количествах хранит в холодильнике в гараже. Надо было сразу сообразить: раз я не пустила их на вечеринку, то возмездия за это мне не избежать. Разогреваемые в миске опарыши шевелят своими крохотными тупыми головками. Туловища у них красные, как кровь.

Я полагаю, что у каждого есть история, способная в полной мере его объяснить. Моя сводится к следующему.

В два годика Колли была трудным ребенком. Заговорила поздно, ее постоянно переполняла безмолвная ярость. Даже тогда с ее лица никогда не сходила злобная гримаса, исчезающая, только когда она смотрела на отца. В таких случаях за ее чертами проступала робкая улыбка, и я видела перед собой лишь ребенка.

Ко всему прочему она демонстрировала талант человека, способного избавиться от любых оков. Умела открывать двери, буфеты, ящички, как и обращаться с ручками и замками, бросавшими вызов ее крохотным ладошкам.

В тот день Ирвин должен был вернуться домой после конференции. Колли всю ночь не спала. Она никогда, ни разу в жизни не уснула в отсутствие папы. У меня совсем не было сил, воздух казался мне таким плотным, будто его набили ватой. Усадив ее на детский стульчик для кормления, я пошла в ванную. Клянусь, что меня не было всего тридцать секунд. А когда я вернулась, она, наполовину вывалившись из стула, уже успела засунуть руку по самое плечо в измельчитель пищевых отходов и, сосредоточенно глядя перед собой, тянулась другой рукой к кнопке включения на стене.

Я подбежала, с силой прижала ее к себе и закричала:

– Никогда в жизни больше так не делай!

Она удивленно подняла на меня глаза и широко открыла рот. Затем заревела, вонзая мне в сердце иглы.

Чтобы уложить ее обратно в кроватку, потребовался не один час. Мир содрогался вокруг меня, как желе. Я опустилась на диван и на несколько мгновений уснула.

А проснулась от того, что меня гладила рука. С высоты своего роста неподвижными, темными глазами на меня смотрел Ирвин.

– Колли вела себя просто кошмарно, – сказала я.

– Спасибо, со мной все в порядке, – кисло произнес он, – конференция прошла лучше некуда.

– Я даже не думала, что так может быть. Сомневаюсь, что я ей нравлюсь.

Уловив в своих словах плаксивые нотки, часть меня сама себя возненавидела.

– Она всего лишь ребенок. Постарайся посмотреть на происходящее под другим углом.

В его голосе звучали незнакомые модуляции. У меня ухнуло сердце. *Еще одна.* Задав на очередную женщину, в их медовый месяц Ирвин перенимал ее манеру речи.

Я встала и подалась вперед, будто собираясь его поцеловать. От его дыхания несло виски.

– А была ли она вообще, эта твоя конференция? – спросила я, удивляясь собственной прямооте.

Он взял большим и указательным пальцами прядку моих волос, потянул так, что у меня на глазах выступили слезы, и сказал:

– Господи боже ты мой... Пойди лучше посмотри, как там дочь.

Потом выпустил мои волосы и отряхнул руки, будто желая избавиться от чего-то противного.

Я встала с дивана, однако к Колли не пошла. Меня переполняла ярость, готовая вот-вот выплеснуться наружу.

– Так больше нельзя.

Здравость собственных слов меня немало удивила.

– Я ухожу. Ирвин, нам надо развестись!

Все казалось подлинным откровением, будто сполох молнии. Но потом я увидела выражение на его лице и убежала.

Немного оправившись от изумления, Ирвин последовал за мной. Я помчалась по дому, хватаясь за дверные косяки, так и норовившие выскользнуть из рук. В какой-то момент произошло ужасное. Тело вспомнило бег, страх и преследующую по пятам опасность. Неожиданно вернувшееся воспоминание схватило меня за горло. Думаю, именно поэтому я совершила следующий шаг. Открыла входную дверь. Полуденный воздух был глотком свободы. Но бежать дальше не стала. Подождала, когда сзади подойдет Ирвин, вышла на крыльцо и с силой захлопнула за собой дверь, хряснув по протянутой ко мне руке. Отчетливо услышала хруст, за которым последовал крик боли. Отвернулась. После чего подумала: «Никто и никогда больше не сотворит со мной такого».

Я прошла по палисаднику перед домом, еще представлявшему собой голую землю. Превратить его во что-то стоящее у нас не было времени. «И что теперь делать?» – пронеслось в моей голове. Ни работы, ни друзей у меня не было.

На склоне, на бордюрном камне виднелся какой-то силуэт. Сначала мне показалось, что это подушка или скамейка для ног, которую бросили здесь, чтобы ее мог забрать тот, кому она больше нужна. Такое порой случается, даже если вокруг живут такие замечательные люди, как здесь. Но это оказалась Колли, устроившаяся чуть ли не на проезжей части в своей серой пижамке с розовыми слониками.

Я подбежала к ней, мое тело превратилось в плотный сгусток страха.

Девочка подняла на меня свои большие глаза, все еще опухшие от слез.

– Бледная, – сказала она, поглаживая сухую, бурую травинку, пробившуюся сквозь трещину в асфальте.

На кончике стебелька виднелся небольшой бутон. Я села рядом с ней, в одночасье почувствовав себя совершенно опустошенной, и сказала:

– Мне жаль, солнышко.

И тут же поняла, что никуда не уйду. Ее вины в этом не было даже близко.

Я подхватила ее на руки. На этот раз она не стала брыкаться и лишь положила мне на плечо голову. Мы медленно вернулись в дом. Я уложила Колли в постель и сказала:

– Обещаю, у тебя будет свой сад.

После чего поцеловала в лобик. Может, она и не позволит мне ее любить, но заботиться о ней мне никто не помешает.

У Ирвина посинела вся рука, но обошлось без перелома, поэтому я положила на нее лед, и мы уселись за покоробленную пластиковую стойку, обессиленные и притихшие после ссоры. «С кухней надо что-то делать», – подумалось мне. Она выглядела голой и меблированной донельзя убого; под ногами хрустел линолеум, безбожно протекал кран. Я представила, как увешаю ее красивыми сковородками с медным дном, уставлю цветочными горшками, а может, даже обзаведусь полкой для пряностей.

– Возвращаться домой поздно ты больше не будешь, – сказала я Ирвину, в действительности имея в виду не столько поздний вечер, сколько раннее утро и привычку говорить в манере очередной пассии. – Договорились?

Ирвин смерил меня взглядом, кивнул на посиневшую руку и сказал:

– Ты уже созрела просить меня об одолжениях?

Мне надо было все как-то исправить, чтобы отношения между нами стали хотя бы терпимыми. Я нерешительно накрыла ладонью его здоровую руку и сказала:

– Колли выучила новое слово.

Потом поведала всю историю, смеясь, но вместе с тем и пустив слезу.

Он улыбнулся, я чуть было не лишилась сил от того, что прощена, и вместе с тем испытала острый прилив гордости за то, что произнесла она его не ему, а именно мне. В этот момент до меня дошло, что нам надо делать.

– Давай заведем еще одного, – сказала я. – В смысле ребенка.

– Хорошо, – ответил он.

Когда от его одобрения меня вновь окутало тепло, я чуть не разрыдалась. Если детей будет двое, он, может, и пожертвует мне частичку их любви.

С тех пор я без конца думаю, с какой стати он тогда согласился. На тот момент его отец потерял еще не все. Думаю, Ирвин надеялся на мальчика. Полагал, что, когда родится внук, старик станет щедрее. Что же до меня, да поможет мне бог, то мне просто тоже хотелось иметь кого-то для себя. Колли всегда принадлежала только Ирвину. Хотя, когда решают завести ребенка, обычно не руководствуются столь эгоистичными соображениями.

Мое желание исполнилось. Когда родилась Энни, когда она открыла свои голубые глазки, я сразу почувствовала, как по мне словно прошелся теплый луч. Она была моей и с самого начала не доставляла никаких проблем. Мы прекрасно ладили, каждая из нас была частью другой, чего с Колли у нас сроду не было.

Но идея сработала не до конца. Дети все больше вытесняли Ирвина из центра вселенной. А болтаться где-то на заднем плане ему совсем не нравится. Мальчика, на которого его отец мог бы выписывать чеки, мы тоже так и не родили. Но я держусь, потому что благодаря этому у детей есть два заботливых родителя; дом, наполненный цветами и светом; и благоухающий сад с поросшей травой лужайкой, по которой можно гулять. Держусь даже тогда, когда Ирвин вновь и вновь начинает задерживаться допоздна.

Все это ради них, но также и ради меня. Сандайл, Фэлкон, Мия, история с Джек – все это выстроило между мной и другими стену, и я до сих пор испытываю жгучую потребность слиться с окружением. Раствориться в безликой массе домохозяек из пригорода, просто учить в школе детишек и не лелеять больших амбиций. Что до Колли, то она моя дочь, я ее люблю и никогда ни намеком не дам ей понять, что порой она мне не нравится. Но как же упорно мне иногда приходится трудиться, чтобы ее любить.

Вот такой вот я человек. По крайней мере, сейчас. Есть и другие истории, насчитывающие больше лет, но все они о той Роб, которая умерла, и теперь ее больше нет. Я наглухо замуровала ее во тьме. Может, она сдохла там с голоду. Многообещающий ребенок, погребенный в пустынных песках. Возможно, оно и к лучшему. Потому как в этой семье места ей точно нет.

Только гораздо позже до меня дошло, как странно слово *бледная* прозвучало в устах двухлетнего ребенка. Я до сих пор ломаю голову, почему она произнесла именно его.

Поток моих мыслей прерывает звонок в дверь – пронзительный и резкий. Я сижу на диване в гостиной, на коленях раскрыт блокнот. Мне надо было сделать несколько пометок по поводу урока по творчеству Марка Твена, запланированного на следующую неделю (боже правый, каким только ужасам мы не учим наших детей), но вместо этого рука сама почему-то выводит «Эрроувуд». В углу комнаты рисует Колли. Сколько времени мы вот так уже сидим? Доктор Джун называет это диссоциацией, но я – благословенной передышкой. Звонок повторяется вновь.

– Ты не откроешь? – с кислой физиономией спрашивает Колли, не отрывая от бумаги глаз.

Я нервно встаю, а когда блокнот падает на пол, подхватываю его и сую в карман. Торопливо шагая к холлу, слышу скрип почтовой щели. На ней давно надо смазать петли.

– Эй! – зовет кто-то снаружи.

Внутри у меня все сжимается, как у маленькой мышки, но я надеваю улыбку, хотя она пока и не может меня видеть. Если не улыбаешься, это можно услышать по голосу.

– Ханна, – отвечаю я, – как ваша вечеринка?

Глаза Ханны Гудвин – две голубые луны в обрамлении золотисто-каштановых ресниц. При взгляде на меня они чуть прищуриваются в уголках. Сегодня не только я напяливаю фальшивую улыбку.

Мои ноги останавливаются в паре футов от входной двери.

– Ближе подходить не стану, – говорю я, – лучше поберечься, чем потом жалеть.

И в этот момент замечаю, что все еще в халате. Со всеми этими утренними событиями у меня даже не было времени одеться.

– Как ты себя чувствуешь?

– Со мной полный порядок, – отвечаю я, – у нас заболела только Энни, но мы подумали, лучше поберечься, чтобы потом не жалеть.

– Бедная Энни! Нам вас всех очень не хватает. Нет, в самом деле! Слушай, там у вас на дорожке лежит зверек. Трупик. Думаю, суслик. Его, наверное, притащила какая-то кошка. Я бросила его в мусорный контейнер, но там все равно осталась жуткая грязь. Может, велишь потом Ирвину полить дорожку из шланга? Сделаешь, принцесса?

Это мы так между собой шутим, называя друг друга ласковыми прозвищами и копируя старомодный акцент кинозвезд 40-х годов.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Ты точно в порядке?

В ее глазах плещется озабоченность.

– Чтобы наверстать упущенное, Роб, нам с тобой надо будет выпить по приличному коктейлю.

Каждое ее слово отбивает хрип джазового тромбона, доносящийся из соседнего дома.

– Давай как-нибудь выберемся куда-то на выходные. Мои мальчишки до сих пор талдычат о том Дне поминовения, который мы отметили тогда в пустыне.

Я позволяю себе самодовольно улыбнуться в душе. Однажды нам довелось позвать их в Сандайл, и теперь Ханна усиленно набивается на новое приглашение. У Гудвинов во Флориде есть какой-то летний домик. Это как раз то, что нравится ее мужу Нику, хотя у самой Ханны более утонченные вкусы. Для нее куда предпочтительнее рассказывать о пустыне на своих занятиях йогой. *В этой Мохаве заключено столько духовности. Там ты действительно возвращаешься к себе.*

– Роб?

– Прости, я просто выпала из реальности.

– Тебе что-нибудь нужно? Если что, я могу сбежать...

– Ты суший ангел, – отвечаю я, – не стоит, мы в норме. Вчера нам как раз доставили из магазина продукты, так что у нас всего полно.

У нее опять чуть сужаются глаза.

– Ну хорошо, мой телефон у тебя есть, если что – звони. В прошлом месяце Сэм тоже болел ветрянкой, и это был суший кошмар.

– Я помню.

В прошлом месяце, а если быть точной, то двадцать два дня назад, Гудвины вернулись домой из Австралии. А завтра их Сэм слег с ветрянкой. Поэтому Ханну мы некоторое время не видели. Я, по крайней мере.

– Я принесла вам небольшой гостинец. Оставляю на крыльце, куколка моя!

– Ты мое сокровище! – отвечаю я. – Позвони мне чуть позже.

Обычно мы с Ханной болтаем раз или два в неделю по вечерам. И если бы не жили по соседству, а наши дети не были ровесниками, нам вряд ли удалось бы стать подругами.

Слишком уж мы разные. Но мучительное изнеможение родительскими обязанностями, постоянное балансирование между смехом и слезами, томительная любовь к детям, укоренившаяся глубже некуда, кроме которой у тебя больше ничего нет, связывают людей незримыми узами. Мы с Ханной сблизились. Она мне нравится. Как раз о такой подруге я мечтала в молодости, пока не поняла, что на самом деле представляют собой друзья.

Теплым вечером, когда дети уже спят, мы сидим на качелях, и она искоса бросает на меня свои взгляды, я почти верю в то, что это я и есть – учительница Роб, живущая в пригороде с красивым преподавателем-мужем, посвятившим себя науке, которой, как минимум, удалось найти подругу, способную ее понять.

Не знаю, заслуживает ли она с моей стороны этих жестоких мыслей в свой адрес. В Сандайле ей, похоже, понравилось. В тамошних краях есть особая притягательность, которую многие чувствуют, но почти никто не понимает. И это хорошо.

Убедившись, что она ушла, я осторожно открываю входную дверь. На дереве в палисаднике Гудвинов трепещут праздничные флажки. Из глубины дома доносятся звуки вечеринки, в которых все больше пробивается гам хорошей попойки. В холодном воздухе витает легкий аромат табака.

На крыльце у моих ног лежит лимонное безе. Чуть дальше, на дорожке за ним, виднеется липкое, скользкое пятно, оставшееся от трупика суслика. Такое ощущение, что мои ноздри улавливают вонь мертвой плоти, лежащей в мусорном баке.

Дабы отыскать для этой дорожки черный известняк по цене, которую мы могли себе позволить, мне понадобилось несколько месяцев. Мне нравится его текстура и то, как он хранит солнечное тепло, постепенно возвращая его босым ногам. Чтобы уложить его не по прямой, а по пологой кривой, ведущей к двери, я пригласила ландшафтного дизайнера. Летом ее обрамляют кустики розмарина, тимьяна, лаванды и шалфея, кое-где разбавленные причудливыми пятнышками красной лобелии. Ох, и намучилась же я, пока подобрала цветовую гамму.

Теперь, глядя на мою замечательную дорожку, я вижу лишь поблескивающую на солнце кровь и смерть.

И в этот момент ощущаю спиной чье-то присутствие. Мне даже не надо оборачиваться, чтобы понять, что это Колли. На сладости у нее прямо-таки нюх. Я наклоняюсь, поднимаю с крыльца безе, закрываю дверь и говорю:

– Но только вечером, после ужина.

– Папа только что ушел, – говорит она. – Через заднюю дверь.

Ну конечно ушел, кто бы сомневался. Тоже мне неожиданность. Я грузно опускаюсь на пол и прислоняюсь спиной к парадной двери. По лицу стекают горячие слезы. Вскоре у меня уже перехватывает дух, и я хватаю ртом воздух. Нос словно забит бетоном. Лицо опухло и скукожилось, как у пластмассовой куклы. А слезы все текут и текут.

– Мам?

О господи, Колли. Нет, надо собраться. Я стараюсь выровнять дыхание, чтобы не так сильно ее пугать. Хотя мне и не понятно, боится ли Колли. Она не такая, как другие. Когда сидишь в неуклюжей позе на полу в холле, словно олененок, и рыдаешь в присутствии дочери, у которой вот-вот начнется переходный возраст, в голове рождаются самые странные мысли.

– Не плачь, мам, – говорит Колли, – погоди-ка... я сейчас.

Она встает, и вскоре я слышу на кухне ее возню. Голова в руках кажется чуждой.

– Держи.

В поле зрения появляется какой-то предмет. Несколько секунд я смотрю на него невидящим взглядом. Это вилка с лимонным безе. Из горла рвется крик – пронзительный, громкий и короткий. Бьющий по нервам даже меня саму. Колли не морщится и лишь смотрит, не сводя с меня глаз.

– Тебе сразу станет легче, – говорит она.

И я его беру. Кислый лимон цепляется за язык, безе сахарным фонтаном тает во рту. Мне и правда становится легче, пусть даже совсем чуть-чуть.

– Спасибо, – говорю я.

И чуть не хохочу от того, как удивительно трогательно видеть, как она в утешение кормит меня десертом, хотя из другой части моей души вновь рвутся наружу рыдания, потому как в убогом эмоциональном словаре моей дочери ободрение сводится к яйцам, лимонной пасте и сахару, которые приготовила отцовская... ладно, об этом не будем.

– Все, все. Мне уже полегчало. Спасибо тебе, милая, – говорю я и для убедительности кладу в рот еще немного безе.

Колли несколько мгновений смотрит на меня, склонив набок голову, и удовлетворенно кивает. Я почти вижу, как рядом с моим именем появляется галочка, вычеркивающая меня из ее списка необходимых дел. Со мной все нормально, за меня можно больше не волноваться. Девочка возвращается к рисованию и опять что-то мурлычет себе под нос.

Я все ем и ем. Безе действительно хорошее.

Подозрения по поводу Ханна и Ирвина появились у меня не вчера, и тому были свои причины. Пару раз меня вырывал из нежных глубин сна тихий щелчок замка двери черного хода. Потом его усталость и привычка подолгу принимать душ. Запах алкоголя среди бела дня. И счастливый вид, который явно не мог быть связан с нашим браком.

Когда я увидела на ручке Энни волдырь, у меня было ощущение, будто на старомодном сейфе щелкнули колесики кодового замка или мяч для гольфа, мягко прокатившись по траве, угодил в самую лунку. Я просто все поняла. Пока болел Сэм, ни мы ни разу не ходили к Гудвинам, ни они к нам. По крайней мере, так считалось. Думаю, они попросту не могли сдержаться. Неужели он брал Энни с собой, когда ему полагалось за ней приглядывать? Как именно все произошло, уже не имеет значения. Стараниями мужа заразилась моя маленькая девочка. Этого я ему никогда не прощу. В голову приходит мысль о внутренностях суслика, разбросанных на горячем бетоне.

Ирвин осознает, что игра окончена. Я поняла это по его глазам, когда сказала, что у Энни ветрянка. Мой взгляд падает на безе на полу с проделанными в нем кратерами. Из слоев лимонного крема, меренги и теста торчит вилка. А ведь они могли сговориться между собой, чтобы он выскользнул через заднюю дверь, пока она отвлекала меня разговорами у парадной. Чтобы им никто не помешал встретиться и умотать. Только вот куда? В заросли кустов в соседнем квартале, которые летом кишат бурыми змеями? Или они куда-то поехали?

Я заметила, что Ник Гудвин никогда не смотрит на Ирвина и не называет по имени. Всегда либо *приятель*, либо *дружисьце*, либо *мой дорогой* – вроде дружелюбно, но вообще-то так обращаются к детям. И смотрит всегда куда-то ему через плечо. Ник знает, хотя пока еще может этого не сознавать.

Не думаю, что он сможет игнорировать этот факт и дальше. Интересно, к какому типу он относится – будет жить в отрицании или пойдет на прямое столкновение? Мне кажется, в отрицании. Он же риелтор, а такие всегда мастерски умеют подгонять реальность к потребностям дня. Я избрала третий путь: я киплю внутри, но снаружи – само спокойствие. Никому не посоветую.

Из головы никак не идет мысль: *мне нравится Ханна*. Порой даже гораздо больше Ирвина. И конец нашей дружбы доставляет поистине физическую боль. Боль тупую. Может, даже сродни менструальной. Мне так и хочется сказать ей: *Выбери меня, ты даже не догадываешься, какой он на самом деле*. Похоже, что даже в таком деле, как любовная интрижка мужа, меня одолевают совсем неподобающие чувства.

Энни аккуратно ест безе пальчиками. Она без конца следует примеру Колли, только с двойной силой. Если сестра отказалась пользоваться вилок пару раз, то сама она теперь вообще не берет в руки столовые приборы.

– Солнышко... – начинаю я, но тут же умолкаю.

Пусть делает что хочет.

– Ты что, ссоришься с папой? – спрашивает она.

– А почему ты спрашиваешь?

В мое сердце медленно вползает чувство вины.

– Глядя друг на друга, вы оба темнеете и мрачнеете дальше некуда.

Порой даже страшно, до какой степени нас понимают дети.

– Видишь ли, взрослым ссориться полезно для здоровья, – говорю я, – вытаскивая наружу все, что накопилось внутри, чтобы и дальше оставаться друзьями.

– А вы с папой что, друзья?

У нее большие, как у лемура, глаза.

– Мы с папой лучшие друзья. Так же как вы с Марией.

Энни вертит в пальчиках кусочек безе.

– Марии я больше не нравлюсь, – говорит она и удрученно сжимает губки, как взрослая, которую постигло большое горе, – она теперь обижает меня в школе. Мы больше с ней не обедаем вместе. Мне от этого так грустно. Даже хочется *умереть*.

– Не говори так, маленькая моя, – отвечаю я, бросаясь ее обнимать.

Я потрясена. Мария – красивая девочка с темными, шелковистыми волосами. Выглядит как куколка и всегда говорит законченными предложениями. «Спасибо, миссис Кассен, я доела пирожное». Они с Энни всегда играли степенно и тихо. Мне думалось, она станет для моей дочери идеальной подругой.

– Вероятно, Мария сейчас переживает трудный момент, – говорю я, – знаешь, теперь у нее осталась только мама, а ту вскоре ждет развод с папой.

Помимо своей воли я чувствую в душе зловещий, горделивый трепет. Как бы плохо все ни было, ни я, ни Ирвин ни в жизнь не заставим пройти через это детей. Потому что слишком ими дорожим. Мне стыдно за вспышку злобы на Марию, которая уязвила ранимую душу моей дочери. Я прижимаю Энни к себе и вдыхаю запах ее волос.

По камням на дорожке скачет струя воды, смывая почерневшие, засохшие внутренности. Если бы я ждала, что эту грязь уберет Ирвин, когда вернется домой, кишки суслика валялись бы на нашей дорожке бог знает сколько времени. И кто вообще сказал, что это мужская работа? Вся эта кровь, вся вонь. Каждая хоть раз рожавшая женщина видела и похуже. Просто удивительно, как быстро мы забываем роды – боль и звук рвущейся плоти. Но это самозащита. Тело милостиво вносит свою правку, дабы сберечь разум.

Время от времени, когда мне страшно или меня охватывает злость, во рту появляется знакомый привкус старой, сладкой до тошноты газировки. Он даже преследует меня во сне. Теперь он опять здесь, мне хочется сплюнуть, но я, конечно же, ничего такого не делаю, ведь меня могут увидеть.

Это уже не первая попавшаяся мне на глаза мертвая зверушка. Ханна сказала, что суслика, должно быть, прикончила кошка, но своих домашних любимцев окрестные жители не выпускают на улицу. Похоже, где-то поблизости прошел хищник. Может, койот, может, лиса. Или даже барсук либо енот. Я слышала, что они убивают ради удовольствия. Но кто бы он ни был, ему, по-видимому, нравится использовать мой черный известняк в качестве обеденного стола. Я часто вижу на дорожке эти красноречивые пятна. А в других местах встречаю трупы – выпотрошенные, распростертые на верандах и крылечках. В лучах утреннего солнца поблескивают вывороченные наружу кишки. Маленькие, поджатые в смертельной агонии лапки и

прикрытые веки, под которыми виднеются два полумесяца голубоватого белка. Мертвее не бывает. Ужасно, когда видишь, что все вокруг напоминает собой метафору твоей собственной жизни.

Я стою у двери черного хода среди длинных январских теней и жду возвращения Ирвина.

– Роб, – говорит он, заведя меня.

Пьян, и прилично.

– Просто вышел в магазин, – добавляет он, помахивая в руке сумкой.

– Все взял, что хотел?

От моего тона его лицо расплывается в улыбке.

– Ну да, – отвечает он.

– Вот и отлично. Заходи.

Я закрываю за ним дверь на засов и говорю:

– Больше никаких магазинов. Твои ключи у меня. Выйдешь еще раз на улицу, там и останешься.

– Ты с ума сошла? – медленно спрашивает он.

Я держу себя в руках.

– Ступай лучше к Колли, она о тебе спрашивала.

Он в замешательстве замирает, в его глазах мелькает смущение. Этот взгляд мне хорошо знаком. Ему что-то нужно. Ему явно что-то пришлось не по душе, и он вот-вот меня об этом спросит.

– Я не смог найти лекарство, – говорит Ирвин, – ты же знаешь, что мне надо принимать его каждый день в одно и то же время. Ты что...

– Я спрятала его в шкафчике в ванной за большим тюбиком вазелина, – отвечаю я, – надеюсь, ты его найдешь.

Муж заходит сзади, и я не успеваю ничего понять, как уже оказываюсь в его власти. Он закидывает руку и слегка касается предплечьем моего горла – не давит, а лишь слегка задевает в предупреждающем жесте. Другой рукой перекрывает мне свет. На миг мне кажется, он хочет просто закрыть мне глаза, как подкраившийся сзади ребенок. Но тут в душе вспыхивает страх, что его пальцы сейчас скользнут мне в глазницу, схватят указательным и большим глазное яблоко и тихонько его вытащат. Я ахаю и бью его по рукам. Вместо крика из груди вырывается сдавленный хрип. Но рука Ирвина лишь реет у меня перед лицом. Он дышит мне в ухо, обдавая запахом спиртного.

– Я тоже надеюсь, что найду.

С того дня он меня пальцем не трогает, но любит подходить очень близко.

Колли тогда было девять, Энни шесть. Мы с Ирвином цапались хуже некуда. И наши баталии уже тогда длились целые дни. Мы шипели друг на друга каждый раз, когда думали, что девочки нас не слышат. А по ночам, стоило им лечь в постель, орали, ревели и швыряли друг в друга все, что попадет под руку. Порой будили их, и тогда Энни плакала. Но потом вновь засыпала без всякого труда, будучи слишком маленькой, чтобы и правда что-то понять. Колли всегда была сообразительной. Она все понимала, но никогда не плакала и ничего не говорила.

Как-то вечером, когда она смотрела в гостиной телевизор, я вошла на кухню, где он ждал меня за дверью, неподвижный, как столб. Я зашептала ему какие-то обидные слова, дабы выпустить немного накопившейся внутри желчи. Ирвин протянул руку и с такой силой ущипнул меня за переносицу, что у меня явственно хрустнул хрящик. Яростным потоком нахлынула боль. Я открыла рот, чтобы закричать. Но потом вспомнила, что в соседней комнате Колли, подумала, что делать этого *нельзя*, и усилием воли забила вопль обратно в горло. Да так и застыла, со слезами на глазах, зашедшись в безмолвном крике. Крови было совсем немного,

однако нос следующие пару дней был распухшим и размякшим, превратившись в некое подобие сливы. Энни тянула к нему ручки, без конца приговаривая «фу-фу».

На следующий день была суббота. Мы, как обычно, собирались с Гудвинами в боулинг. А поскольку была очередь Ханны и Ника пить, мы с Ирвином взяли две машины, чтобы хватило места для обеих наших семей. Я решила сесть в джип вместе с Энни. Колли наблюдала за нами с крыльца, дожидаясь, пока Ирвин закончит какие-то свои домашние дела. Когда мы куда-то уезжаем, в самый последний момент Ирвин вспоминает, что чего-то не сделал. Не вытащил посуду из посудомоечной машины, не повесил картину, кому-то не позвонил. Так он демонстрирует свою власть, заставляя меня ждать и без конца наливаться злостью по мере того, как мы все больше опаздываем на запланированное мероприятие. К тому же у меня такое впечатление, что ему, дабы вообще что-то делать, требуется адреналин, который он как раз черпает в таких вот неотложных делах.

Энни всегда ездила со мной, а Колли с Ирвином, и такой вариант казался нам совершенно естественным. Но в этот раз я остановилась и позвала Колли.

Когда муж вышел из дома, обе девочки уже сидели в моем джипе – Энни на детском сиденье, Колли пристегнулась сзади.

– Пока, Ирвин, – сказала я, включила заднюю передачу и покатила по дорожке.

На его лице отразился ужас. Он подумал, что я забираю его дочерей. «Отлично, – подумалось мне, – теперь чувствуешь, каково это?»

– А почему я не поехала с папой? – спросила Колли.

– Потому что мне захотелось провести немного времени с тобой, – ответила я.

Всю дорогу к боулингу внедорожник ехал за нами по пятам. В зеркало заднего обзора я видела, как он скрючился за рулем. Его глаза буравили меня двумя булавками ярости. Рядом с ним хохотали Гудвины.

Была суббота, когда все отправляются отдыхать всей семьей, в боулинге царил радостный гам. Я подождала, пока Гудвины были слишком заняты обувкой, и сказала Ирвину на ухо: «Ты больше меня пальцем не тронешь, никогда в жизни». Он с бесстрастным видом кивнул – единственный раз. И тогда я с удивлением поняла, что одержала победу.

Когда мы вернулись домой и уложили детей, я лежала и слушала возню Ирвина в ванной. Я никогда не хожу в туалет, примыкающий к спальне. Не понимаю, зачем это надо. Какой смысл опорожнять кишечник в непосредственной близости от кровати, где ты спишь? Мне нужно, чтобы эти два занятия отделяли как минимум две двери. Для меня это одна из причин любить пригороды. Здесь мы как будто бестелесны.

Когда Ирвин вышел, я села. Не надо было ложиться в постель, ведь мне так не нравилось смотреть на него снизу вверх.

Он горестно улыбнулся, посмотрел на меня и приподнял бровь. Мои губы тоже расплылись в улыбке облегчения.

– Хорошо, – сказал он, – я подожду. Подожду, когда наша ссора закончится и мы снова будем счастливы. Как раньше станем ходить в рестораны французской кухни. Опять влюбимся друг в друга, да так, что не сможем друг без друга жить. Потом в один прекрасный день, когда будем завтракать или смотреть телевизор – заниматься самым обычным делом, – ты помотришь на меня, чтобы пошутить или задать вопрос, но меня уже не будет. А потом поищешь глазами Колли, но не увидишь и ее. Я уйду от тебя, когда ты будешь меньше всего этого ожидать. А ее заберу с собой.

Он навис надо мной, запечатлел на лбу поцелуй, легкий, как сухой, опавший лист, и добавил:

– Я умнее тебя. Умнее и терпеливее. Я могу ждать достаточно долго, чтобы действительно причинить тебе боль.

С этими словами он схватил с прикроватной тумбочки стакан воды и швырнул его в стену. Звук был такой, будто передо мной разверзся мир. Во все стороны бриллиантами брызнули стекла. Ирвин улыбнулся. Затем улегся в постель и через мгновение уснул.

Я лежала рядом без сна ни в одном глазу и смотрела, как по стенам спальни цвета охры стекала вода. В свое время я решила выкрасить их в цвет, способный принести утешение. Я подумала, что так дом будет напоминать тосканскую виллу в лучах закатного солнца.

Обещание Ирвин сдержал, с того самого дня никогда меня пальцем не тронул. Свою злобу он вымещает на стаканах и посуде. А я каждый день думаю, когда это случится. Когда от удара о стену разлетится вдребезги не тарелка или стакан, а моя голова.

* * *

Ни к апельсину, ни к сэндвичу, ни к приготовленному мной супу Энни не хочет даже прикасаться. Поэтому, черт меня подери, я даю ей оставшееся с Рождества печенье ядовитого розового цвета, покрытое глазурью, и все такое прочее. После лимонного безе сладкого Энни давать больше не стоит, но пошло оно все к черту. Она жадно проглатывает еду и засыпает.

Теперь можно потратить немного времени на себя.

Я иду в свой кабинет, расположившийся сразу за гостиной. Перед тем как за что-то взяться, всегда сажусь в кресло и делаю несколько глубоких вдохов. *Будь здесь и сейчас. Нельзя писать, когда в голове без конца проносятся мысли о ветрянке и измене мужа, а душа тревожится за старшую дочь.* Пишу я всегда от руки, потому что только так могу думать.

Цикл «Школа Эрроувуд» я стала сочинять пару лет назад по ночам, когда Ирвин задерживался допоздна. На тот момент у него была шеф-повар из ресторана в Эскондидо. Вероятно, хороша, потому как в тот год он заметно прибавил в весе. Это книга о необычной школе закрытого типа на побережье Новой Англии. Подростком я, вероятно, раз сто прочла «Летний семестр в Бингли-Холле». В этом возрасте книги глубоко вонзаются в разум. Впервые решив стать учительницей, я втайне надеялась, что в школе будет так же, как в Бингли-Холле. Но чтобы поставить крест на подобных заблуждениях, мне хватило одного-единственного семинара по сертификации учителей. Бингли-Холлы, может, и существуют – например в Англии или где-то еще, – но лично я их не видела. Или, может, существовали раньше, а теперь их больше нет. И то, что теперь они остались лишь в нашем воображении, может быть, даже хорошо.

Но мысли, как говорится, гуляют на свободе. В этом романе повествование ведется от лица девчонки, обожающей спорт. У нее есть свои тайны. Я подумываю о том, чтобы превратить ее в воровку. В каждом романе цикла об Эрроувуде присутствует скандал. Потому что от тамошних подростков всем одни проблемы.

Это занятие не только здорово отвлекает, но даже позволяет в нем укрыться. На сегодняшний день у меня готовы четыре книги цикла. Думаю, они достаточно объемны для того, чтобы претендовать на звание романов. Я в жизни их никому не показывала. Зачем? Ведь это сугубо личное.

Пишу я карандашом, потому что под конец каждой книги тут же принимаюсь переименовывать персонажей. Пока сочиняю, пользуюсь именами тех, кого знаю сама. В основном членов семьи. От книги к книге Роб, Ирвин, Колли, Энни, Джек, Мия и Фэлкон предают друг друга, заводят друзей и выбалтывают чужие секреты. Расхаживают под ручку по холлам Эрроувуда, таскают в класс книги и препираются по поводу того, кто с кем пойдет на весенний бал в соседнюю школу для мальчиков.

Ничего такого, конечно же, не было и в помине, но для меня это тем не менее что-то вроде воспоминаний. Если хотите, можете назвать это терапией.

Наконец гулянка у соседей постепенно сходит на нет. Стихает музыка, смолкают разговоры. Хлопают дверцы машин, кто-то, похоже, падает – до моего слуха доносится звучный шлепок грохнувшегося на асфальт тела. Я раздраженно качаю головой. Они же детей разбудят. К тому же староста как раз собиралась сотворить совсем уж редкую подлость, но теперь я напрочь потеряла нить размышлений.

Я делаю глубокий вдох и вновь беру карандаш. Мир вокруг меня выключается. Это просто здорово – примерно то же, что вообще исчезнуть.

Эрроувуд

Колли спускалась по склону утеса к морю, зажав под мышкой учебник по грамматике клинописи. Отставая от других учеников, она собиралась позаниматься в тени скалы, погружив в песок пальцы ног. Узнав, что ей удалось наверстать упущенное, несмотря на то что в предыдущем семестре она слишком увлеклась хоккеем на траве, мисс Грейнджер будет страшно гордиться. К мисс Грейнджер Колли тянуло как магнитом, ведь та была очень умна, а ее коротко подстриженные волосы выглядели просто роскошно.

Но, выйдя на берег, Колли вдруг поняла, что там уже кто-то есть. В завывание ветра вклинивались какие-то голоса. Не желая вторгаться в чужое пространство, она инстинктивно пригнулась, дабы спрятаться за стеной покачивающейся розогзы, но тут же об этом пожалела – если ее обнаружат, то решат, будто она подслушивала.

Голос был ей знаком. Это с кем-то говорила ее лучшая подруга Джек. Вообще-то ее звали Жаклин, но это имя она ненавидела. Даже учителя и те никогда ее так не называли. Колли и Джек были неразлучны. И все друг другу рассказывали. Ну, хорошо, почти все.

– Спасибо, что согласились здесь со мной встретиться, – произнесла Джек, – а то сплетни мне не нужны.

– В чем дело, Джек? – ответил ей другой голос. – Через двадцать минут мне вести занятие по стеклодувному делу.

Колли чуть было не ахнула. Это была мисс Грейнджер. Вот чудеса – она ведь буквально за минуту до этого о ней думала!

– Мне надо поговорить с вами об одном очень важном деле.

– Да? Ну что же, говори, Джек.

– Колли ворует у других девочек, – произнесла та, – в моей прикроватной тумбочке с кодовым замком лежали сорок долларов, подаренные тетей. Я собиралась купить на них футбольные шиповки! Но сегодня утром они исчезли.

– А ты хорошо посмотрела? – спросила мисс Грейнджер. – Может, сама навалила на них всякого барахла, а теперь ищешь. Пошарив в самом низу, можно обнаружить самые неожиданные находки.

– Хорошо, мисс Грейнджер, хорошо! Но сорок долларов в самом деле пропали. Кроме Колли, больше никому. Она одна знала комбинацию замка.

Колли тихо ахнула и залилась краской, хотя видеть ее, прячущуюся в высокой траве, не могла ни одна душа. Как же унизила ее Джек, заподозрив в воровстве. А теперь еще и мисс Грейнджер!

– То, что ты обратила на это мое внимание, очень хорошо. Воровство – вещь ужасная, – сказала мисс Грейнджер. – Что это может быть Колли, мы в учительской заподозрили некоторое время назад. Теперь нам надо действовать.

– Но если вы подозревали, то почему ничего не предприняли? – злобно спросила Джек.

– Я действительно должна была что-то сделать, – печально произнесла мисс Грейнджер. – Но надеялась, что это неправда. Видишь ли, много лет назад я пообещала ее матери, когда та лежала на смертном одре, не давать Колли в обиду. Когда-то мы были близкими подругами, так же как вы сейчас. Но теперь ситуация зашла слишком далеко. Колли придется исключить. Этот вопрос волнует других учениц. Знаешь, ее мать Роб была ведьмой. Колли, думаю, тоже может оказаться такой. Ведьмы ведь воруют, это первейший признак. Вскоре они встают на пагубный путь, и их на пушечный выстрел нельзя подпускать к другим девочкам.

– В жизни ведьм не бывает, – сказала Джек.

– Обед почти подошел к концу. Тебе лучше вернуться в школу, – уже другим тоном, холодным и совсем не дружелюбным, сказала мисс Грейнджер. – И еще одно, Джек.

– Слушаю вас, мисс Грейнджер.

– Пообещай мне не рассказывать о Колли ни другим девочкам, ни учителям. Я бы хотела разобраться с этим сама.

– Хорошо, мисс Грейнджер.

В груди Колли гулко колотилось сердце. Откуда мисс Грейнджер знала ее мать? Но строить по этому поводу догадки не было времени. Ее нельзя исключать, только не сейчас – отец ей никогда этого не простит.

Она вынула из носка бритву, открыла ее, слегка провела пальцем по лезвию, и на его кончике остался тонкий, не толще бумаги, красный порез. Сделать все надо быстро. Ведь она столь многим обязана мисс Грейнджер.

Но когда Колли выбралась из высокой травы, на берегу уже никого не было – одни только чайки. Мисс Грейнджер нигде не было видно. Она повернулась и долго смотрела на болтавшийся хвостик волос Джек, пока та поднималась в школу Эрроувуд на вершине скалы, над девятью каменными башнями которой реяли зеленые знамена.

Роб

Когда я наконец собираюсь лечь в постель, меня истошным голосом зовет Ирвин. В его тоне явственно пробивается тревога. От этого мне кажется, будто по спине кто-то провел холодным пальцем. Я бегу. Энни, разметавшись среди простыней, побелела как полотно и дрожит всем телом.

На полу лужица блевотины. Ирвин занес над Энни руки – такое впечатление, что ему страшно к ней прикоснуться.

– С ней что-то не то.

Я разгребаю постельное белье, чтобы поглядеть на ее маленькие ручки. Варежки по-прежнему прочно примотаны к запястьям. Мои пальцы нащупывают что-то еще. Я беру пузырек и подношу его к свету лампы.

– Роб, ради всего святого, – говорит Ирвин.

Он думает, что я спрятала здесь его таблетки, считает, что это все моя вина.

Пустой пузырек от лекарства против диабета лежит без крышки. На меня тут же нисходит сразу несколько откровений.

– Я вызову неотложку, – говорит Ирвин.

– Нет, – возражаю я, – к телефону не прикасайся.

Он замирает на месте. Лишь смотрит на меня, но сейчас у меня на него нет времени. Я спрашиваю Энни:

– Ты давно их выпила, солнышко? Сколько времени после этого прошло?

– Только что, – отвечает она.

Я подхватываю ее на руки, несу в ванную и быстро просовываю ей в горло два пальца. Заставляю ее тошнить снова и снова. В глаза бросается обилие голубого цвета. Это таблетки. За ними следует розовая оболочка. Я не прекращаю до тех пор, пока не вижу, что в ее желудке больше ничего нет, что она выплеснула из себя все, что только можно.

Потом сажаю ее в ванной на пол и спрашиваю:

– Как ты себя чувствуешь, маленькая моя?

– Уже лучше, – отвечает она.

Вид у нее и правда получше.

– Плохие конфетки.

– Еще какие плохие. А кто тебе их дал, солнышко? Мне ты можешь это сказать.

– Я взяла сама, – отвечает она и тут же начинает плакать.

Вопрос только в том, что она не могла сама открыть пузырек. Ее руки по-прежнему в варежках, а чтобы свинтить крышку с защитой от детей, требуется как сила, так и ловкость. К тому же куда она подевалась, эта крышка? Кто-то явно открыл пузырек и скормил Энни таблетки.

Я укладываю ее обратно в постель и обыскиваю всю комнату. Переворачиваю вверх дном все шкафы и, несмотря на сонные протесты дочери, самым дотошным образом обшариваю постельное белье. Но крышечки от пузырька нигде нет.

Ирвин сидит за кухонным столом, обхватив руками голову. У него начинается похмелье.

– Тебе бы надо получше присматривать за ней, Роб, – говорит он.

Посреди стола суетливо копошатся опарыши. Некоторые нерешительно пытаются карабкаться по стенке стеклянной миски, напоминая тоненькие пальчики. Просыпаясь, они становятся энергичнее. Может, мне это только кажется, но их жирные, красные тельца, соприкасаясь друг с другом, издают какой-то скрипучий шорох. Чем больше они разогреваются, тем сильнее комнату заполняет вонь.

– Ирвин, а каким образом к ней попали эти таблетки?

– Мне этот вопрос тоже не дает покоя. Я взял из пузырька одну, а потом поставил их обратно в шкафчик. Как обычно, на верхнюю полку. Как она могла туда забраться? Хотя ей, думаю, ничего не стоило затащить в ванную табурет, встать на него и...

Слова слетают с моих губ еще до того, как я успеваю подумать.

– Это ты их ей дал? Таблетки?

В моей кухне, утопающей в приглушенном свете, увешанной винными шкафами и украшенной дорожными сковородами ручной работы с медным дном, эта мысль кажется почти невозможной. Но только почти.

Зрачки Ирвина сужаются до крохотных точек. Меня легким перышком касается страх.

– В смысле поиграть или еще что.

Я делаю все, изображая нерешительность, будто ищу одобрения, но тут же вижу, что слишком поздно. Мой вопрос лежит между нами, как разверстая рана. В браке есть вещи, которые в принципе нельзя сказать, чтобы навсегда его не изменить.

Ирвин кашляет, хотя со стороны это больше похоже на рык. На его шее толстыми струнами проступают сухожилия.

– Не дури, Роб, – говорит он, – порой ты становишься просто невыносимой.

– Поклянись жизнью Колли.

Он пожимает плечами и говорит:

– Ну хорошо, клянусь.

У меня облегченно расслабляются мышцы. Я опускаюсь на кухонный пол. Мир вертится слишком быстро. С мужчиной, неверность которого граничит с манией, нельзя прожить двенадцать лет в браке, не выработав тонкого инстинкта чувствовать правду.

– Ну слава богу, – говорю я, – слава богу.

– Господи Иисусе, – едва слышно говорит Ирвин, – Роб, тебе нужна помощь.

– Еще как нужна, – отвечаю я.

Да как мне в голову могло прийти, что муж отравил моего ребенка, только чтобы набрать пару лишних очков?

– Как думаешь, что скажет доктор Джун, когда мы расскажем ей, что я обвинила тебя в покушении на убийство?

Мы секунду смотрим друг на друга.

– Ну и каково тебе было? – говорю я.

Одновременно с этим он тоже задает мне вопрос:

– И как ты себя при этом чувствовала?

В итоге мы немного хихикаем, и напряжение между нами самую малость идет на спад.

Но тут в моей душе звучит холодный, безумный голос: *Может, лучше бы это действительно сделал он?* В голове зреет семя чего-то гораздо более ужасного.

– Ирвин, а где Колли?

– У себя в комнате.

Семя тянет вперед свои тошнотворные усики.

– И что она у себя в комнате делает?

– Спит, что же еще, – отвечает он, демонстрируя нарочитое спокойствие.

Раньше я никак не могла понять, как он может быть так слеп, но теперь до меня дошло, что это совсем не так. За его покровительственными манерами явственно проглядывает взвинченность.

Колли спит чутко. Мы ее, должно быть, разбудили. Но моей старшей дочери, как магнитом влекомой всякими беспорядками, которая одинаково зачарованно обращает свой взор на конфликты и автомобильные аварии, здесь нет. В случае драмы она обычно делает все, чтобы занять место в первом ряду. Но сейчас ее нигде не видно.

Когда кто-то называет что-то немыслимым, обычно это означает, что ему попросту не хочется так думать. Он противится самой идее. Но определение «немыслимый» означает совсем другое, и теперь я это хорошо понимаю. Оно означает необходимость столкнуться с мыслью столь грандиозной, чудовищной и мрачной, что ей не найти места в любых известных мысленных представлениях. Это яд и безумие, заволакивающие твой взор. Я прочищаю горло, желая избавиться от привкуса старой газировки. Хуже всего, что происходящее удивляет меня гораздо меньше, чем следовало бы.

Обычно я стараюсь не придавать этому особого значения, потому что знаю, как трудно могут складываться отношения между сестрами, особенно если разница в возрасте не так уж велика. Их необузданность граничит с яростью. Мне приходится убеждать себя, что потом это у девочек проходит.

Вот я вижу, как Колли хватается Энни за волосы и что-то шепчет, прижавшись губами к ее уху. Та откинула голову назад и разинула рот, в глазах стоят слезы. Вот на ручке Энни красные отпечатки пальцев. Вот пара синяков, которые она не может объяснить. *Играйте аккуратнее, девочки.*

Почему я таила все это в себе? Отчаянно пытаюсь скрыть, что Энни моя любимица? И если да, то как мне с этим знанием жить дальше?

Колли не спит. Сидит за столом в своей комнате. Перед ней бумага и карандаши, но рисовать она даже не думает. Просто сидит. Стены покрыты анатомическими набросками, прекрасными схематичными изображениями скелетов, выполненными карандашом. Птицы, некое подобие белки и что-то еще, немного напоминающее новорожденного щенка. Все точно, с соблюдением масштабов. Она сама вставляет их в квадратные серые рамки. Эффект получается впечатляющий. Колли необычайно одарена, но талантом к жизни не обладает. Ее полки забиты книгами по психологии и о серийных убийцах. На их корешках – каталожные метки десятичной классификации Дьюи. Иными словами, их взяли в библиотеке и большую часть уже давным-давно должны были сдать. Это я знаю по собственному опыту.

– Встань из-за стола, пожалуйста.

Она выполняет мою просьбу, не задавая никаких вопросов. В моей душе нарастает нехорошее чувство. Я приступаю к поискам. Все очень аккуратно, все на своих местах. Карандаши для рисования, мелки, ластики, бумага, канцелярский нож. Несколько книг по анатомии с загнутыми уголками страниц.

– Что ты делаешь, мам?

В ее голосе слышится не столько злость, сколько любопытство.

– Ищу одну вещицу. Может, Колли, ты сама догадаешься, что?

Она упорно смотрит в пол, но, не в состоянии удержаться, все же бросает украдкой взгляд на кресло-мешок в углу комнаты.

Я беру его и осторожно шупаю, проверяя на наличие посторонних предметов. Ничего. Под ним чуть загнулся вверх уголок ковра – как край засохшего сэндвича. Я поднимаю его, вижу перед собой незакрепленную доску, подцепляю ее пальцами и без труда вытаскиваю. Под ней – весьма приличное пространство размером примерно два на два фута. Почти все место в тайнике занимает потрепанный голубой рюкзак. Колли носила его, когда училась в четвертом классе. Я поднимаю его, расстегиваю молнию и осторожно засовываю руку, опасаясь острых предметов. Содержимое выкладываю рядом на пол. Пузырек перекиси водорода, пластмассовый контейнер «Таппервер». Когда я его открываю, в нос бьет вонь падали. Внутри трупик белки, упакованный в пакетик для сэндвичей. Сквозь мех мелькают бледные проблески опарышей. Их на мою долю сегодня выпало гораздо больше, чем хотелось бы. Меня накрывает позыв к рвоте. Но я подношу руку ко рту, и он проходит или, по меньшей мере, немного отступает. Есть там и кое-что еще. Тюбик суперклея. Лист тяжелой кремовой бумаги с изображением каких-то костей. Хотя нет, никакой это не рисунок. Настоящие кости, приклеенные к бумаге.

Несколько мгновений я разглядываю этот коллаж. Потом встаю, подхожу к стене к рисунку небольшой змеи и переворачиваю раму.

Кости змеи приклеены с обратной стороны к рисунку и служат ему идеальным отражением. Все ребра в точности на своих местах. Я переворачиваю рисунок мышки, которая тоже присутствует с той стороны, отсвечивая выбеленными костями. Хотя в окрестностях мы натывались на многих мертвых животных, было немало и таких, которые так и не попались нам на глаза.

– Я не убивала их... А когда находила, они уже такие были... – неубедительно говорит Колли.

И тут же добавляет:

– Я не хотела, чтобы все так вышло.

– Колли... – говорю я, не в состоянии даже думать о своем следующем вопросе. – Но зачем?

– Не знаю, мам, – шепчет в ответ она, – все становится таким плоским и блестящим.

В рюкзаке меня ждет последняя находка, застегнутая на молнию в переднем кармане. Это крышка от пузырька с лекарством Ирвина. С защитой от детей. Я встаю. У меня перехватывает дыхание, периферию зрения заволакивает серый туман. Чтобы не упасть, я хватаюсь за стол Колли, и в этот момент вижу перед собой рисунок, над которым она корпела сегодня. На нем кости детской руки – по размеру примерно такой, как у Энни.

Моя ладонь со звоном влетает в ее щеку и оставляет на золотистой коже красную отметину. Она подносит к ней руку и осторожно касается, будто опасаясь обжечься. Выражение ее глаз при этом совершенно не меняется, взгляд все так же блуждает, будто она ведет очередную беседу, которой мне не дано услышать.

До этого в гневе я детей и пальцем не трогала. Плачет в итоге не Колли, а я. Рана, открывшаяся в сердце, доставляет чуть ли не физическую боль.

– Мам...

Прикосновение ее руки легкое, как пушинка. За сегодняшний день она утешает меня уже во второй раз.

Я беру себя в руки, по крайней мере, насколько это вообще возможно.

– Ты занимаешься этим уже давно. Здесь их очень много.

Я с удивлением обнаруживаю, что говорю ровным голосом, как и подобает матери. Тем же тоном можно было бы обсуждать творческий школьный проект. Я вытираю глаза и сморкаюсь. В кармане у меня всегда лежат платочки «Клинекс».

Колли смотрит в пол, вертит пальцами и говорит так тихо, что я едва могу расслышать ее ответ.

– Я занималась этим всегда.

– А это зачем? – спрашиваю я, поднимая перекись водорода.

– Для отбеливания костей, – говорит она.

Теперь картина начинает приобретать смысл, как всегда во время кризисов, раскручиваясь медленной, убийственной спиралью. Скверный запах в ее комнате, отбеливатель, пластиковая банка.

Я делаю вдох, меня пробирает дрожь. Но больше я не протестую и не боюсь. Вместо этого ощущаю какую-то странную близость с ней. Впервые за много лет мы говорим друг с дружкой начистоту.

– Я всегда так поступала с костями. Сначала просто хотела, потом и правда стала так делать. Я знаю, кто я. Как знаю и то, что никому не нравлюсь, – говорит Колли. – Даже тебе.

– Но ты нравишься мне, солнышко, – отвечаю я, – я твоя мама и люблю тебя.

Люблю ли?

– Я знаю, что это плохо, – бесцветным голосом продолжает Колли, – но не знаю, что мне делать. Мне так... хрррррр... смайлик «сонная мордашка».

– Я понимаю, о чем ты, – искренне говорю я, обнимая ее.

Она прижимается ко мне и обвивает руками за талию. Я мысленно представляю эти сильные пальчики и чувствую, как по внутренностям прокатывается волна ледяного холода. Но даже не морщусь. Я держу ее. Что-что, а это мне по плечу.

– Мне страшно, – говорит она, уткнувшись носом в мою блузку.

Я глажу ее по спине.

– Мы что-нибудь с этим придумаем, договорились?

Я испытываю редкий прилив всепоглощающей любви к ней. Он накатывает на меня, заполняя все пустоты и глубины, в которых раньше чего-то не доставало.

Я сижу рядом с Энни, которая дышит медленно и размеренно. Она приносит мне невероятное успокоение даже когда спит, одним своим присутствием. Мои мысли носятся в разные стороны, будто рыбки в пруду. Я отчаянно размышляю. Может, Колли страдает лишь от чрезмерного любопытства и не более того? Разве натуралисты XIX века не делали ровно то же, что и она? Разве ее отношение к этим животным бессердечнее ежедневного потребления нами в пищу их плоти? Я стараюсь покупать только экологичное мясо животных, выращиваемых на свободном выгуле. Правда стараюсь, хотя, когда у тебя всегда куча дел, это очень трудно...

Делаю глубокий вдох. Надо сосредоточиться.

Энни проснулась и безмолвно смотрит на меня.

– Я хочу помолиться, – говорит она, – ты помолишься со мной, мама?

У меня нет ни малейших догадок, откуда у нее взялся этот религиозный пыл. Впервые я узнала об этом одним вечером несколько месяцев назад, когда увидела, как она возносит молитву, преклонив у кровати колени и сложив ручки, как ребенок с какой-нибудь иллюстрации. Мы самая что ни на есть светская семья. На мой взгляд, нельзя быть ученым или учительницей, не отказавшись без остатка от веры в милостивого творца.

– Ну конечно же, – отвечаю я, – но на этот раз ты будешь молиться лежа, хорошо, солнышко? Мне не хочется, чтобы ты вставала с постельки.

Энни закрывает глаза и истово двигает губами. Когда я на нее смотрю, в душе растет ощущение неудачи и тайны. Обе мои дочери для меня непостижимы. Выйдя в холл, я останавливаюсь. Рана в сердце все расширяется, превращаясь в окровавленную расселину. Ощущение настолько яркое, что я в неподдельном удивлении опускаю глаза на серый кашемировый кардиган на кнопках, прикрывающий мою грудь.

Кухня кажется мне странной. Что я вообще собиралась делать с этими деревяшками кустарной, ручной работы, со всей этой медью и хромом? Со всеми этими непомерно дорогими безделушками ручной работы, которые не только красуются на стойке, в мойке и на полках, но и стройными рядами висят над разделочным столом? Взять хотя бы полку для пятидесяти видов пряностей. Я заказала ее Ирвину на свой последний день рождения. Ну зачем человеку столько специй?

Ирвин потеет. Когда поднимает бокал с виски, в нем позвякивают льдинки. На фоне происходящего я чувствую от этого прилив едкого раздражения. Так и не смог протрезветь, даже по такому случаю. Его темные волосы упали на лоб и прилипли к бровям.

– Девочки могли просто играть, и крышечка с пузырька слетела сама, – говорит он.

– Не смей меня, – отвечаю я.

– Что ты сказала?

В его голосе корчатся красные нотки.

Обычно я обращаю внимание на такой его тон, но сейчас не время для этого.

– Дать Энни таблетки... Это была не игра. Колли надо отсюда отослать.

Ирвин лишь медленно качает головой и смотрит на меня. В мое сердце заползает холод. Он в том самом настроении.

Я быстро рисую в голове древо возможных решений. *Куда Колли можно отослать, чтобы оградить от нее Энни? И куда нам уехать?*

Именно так я поступаю со своими четвероклассниками, когда прививаю логику и учу решать проблемы. Представляю вопросы и возможные ответы, дающие все новые и новые ветви, каждую из которых мне приходится отслеживать, чтобы прийти к определенному выводу. Делать это я могу за доли секунды, мозг несется вперед, как пожар в сухом кустарнике.

Все, теперь мне понятно, куда отослать Колли. Но для этого надо уговорить Ирвина. Чувствуя, что он на меня смотрит, я беру с полки для специй кардамон и верчу его в руках, будто о чем-то задумавшись.

– Моя дочь останется здесь, ты никуда ее не увезешь, – спокойно говорит он. – Она не Джек, как бы ты ни вешала на нее всю эту ерунду. Мне кажется, ты делаешь все это из желания досадить мне.

– А вот это уже нарциссизм, – бездумно заявляю я.

Он осторожно берет из моих рук банку с кардамоном, с силой замахивается и швыряет в стену. Со свистом пролетев в воздухе, та разлетается на мелкие блестящие осколки. Воздух наполняется густым ароматом пряности. Я всем телом ощущаю пульс. Ирвин протягивает свои тонкие пальцы и берет с полки банку с сушеным шалфеем. Его глаза – две глубокие тени. Как всегда в такие моменты, я думаю, на ком он выместит зло: может, сначала на шалфее, а потом и на мне?

Порой его ярость можно предотвратить, но для этого нужно пойти на какой-то решительный шаг, причем быстро. Как говорится, пан или пропал.

Я беру из рук Ирвина сухой шалфей. Беру твердо, без всяких возражений.

– Я возьму Колли в Сандайл. Девочкам надо отдохнуть. Вы же с ней такие друзья. Она может так реагировать из-за меня, понимаешь? Я напряжена. А дочери всегда чувствуют, когда с матерями происходит подобное.

Он застывает в нерешительности. Вижу, что колеблется. Вроде успокоился, но упоминать Сайдайл при нем опасно. Может повернуть как в одну, так и в другую сторону.

– Ладно, – отвечает Ирвин, поднимая руки и переключаясь на роль побежденного мужа, – когда ты такая, я не могу с тобой спорить. Просто позабочусь о твоей больной дочери. Думаю, к этому делу можно будет подключить Ханну.

Я знаю, что мне лучше уйти. Но от его слов в душу вонзается острое копье гнева. Мне, может, тоже хотелось бы пить и заводить интрижки на стороне, но я не могу – кому-то ведь надо приглядывать за этими хрупкими созданиями, вверенными нашей заботе. И, кроме меня, как всегда, больше некому. По всему телу прокатывается волна негодования, обжигает кожу, будто кислота, и я, даже одержав огромную победу, не могу сдержаться. Поэтому хватаю со стола миску с опарышами, которые уже вполне разогрелись и волнуются, словно небольшое море. Потом прохожу через кухню, неся их на вытянутых руках, открываю на окне замок, поднимаю раму и вышвыриваю их в ночь на клумбу внизу. Увидев, что один опарыш скользит по поверхности руки, ахаю и кривлюсь. Вопреки моим ожиданиям, он совсем не влажный, а сухой и почти чешуйчатый.

– И кому от этого легче? – говорит Ирвин, старательно пряча едва заметную ухмылку. – В твоих действиях нет ни намека на логику.

Гнев улетучивается. В душу закрадываются одиночество и пустота. Какая глупость. Мой темперамент может свести на нет любые мои благие дела. К тому же он прав, мне ничуть не полегчало.

– Одна наша дочь только что попыталась убить другую, – говорю я, и от реальности этих слов будто чувствую прикосновение холодных пальцев к спине.

– Но ведь такие вещи наследуют от матерей, так? – мягко спрашивает Ирвин. – У меня для тебя, Роб, припасено немало секретов.

– Мы с Колли уедем с самого утра, – говорю я.

Вижу, что он прикидывает в уме варианты. Ему не хочется нас отпускать, но в этом случае он получает в полное распоряжение дом. На пару с ней.

Набираю номер Ханны. В ее голосе сквозит удивление. Третий час ночи.

– Слушай, Роб, я сейчас навожу порядок после вечеринки, поэтому дай мне...

– Мне надо на несколько дней уехать, – говорю я. – Могу задержаться, пока это еще неизвестно. Колли беру с собой. Просто хочу, чтобы ты знала. Поскольку у Энни ветрянка, Ирвину может понадобиться помощь. К тому же она съела то, что не... в общем, не важно. С ней все будет в порядке, но, если возникнут проблемы, ты сможешь прийти и помочь? Мне нужно это от тебя услышать.

Трубка отвечает мне молчанием и страхом.

– А Ирвин... Ирвин знает, что ты...

– Господи, Ханна. Разве стала бы я тебе говорить, если бы задумала удрать от мужа? Мы вернемся. Я не собираюсь делать тебя соучастницей похищения или чего-то еще.

– Хорошо, – через мгновение отвечает она.

Я слышу, что у нее онемели губы.

– Послушай, Роб, в чем дело? Тебе *самой* помощь не требуется?

– Никогда больше не задавай мне таких вопросов, – говорю я. – Их задают друзья. А мы с тобой уже не подруги.

На пороге комнаты Колли я замираю. Мне совсем не хочется входить, чтобы не оказаться в окружении всех этих костей. Она все еще не спит, сидит на кровати, положив на колени руки. Взгляд устремлен в какую-то точку на голой стене напротив. Она ждет меня. И что, по ее мнению, теперь должно случиться? Когда я смотрю на дочь, мне кажется, что нас разделяют многие-многие мили. Мы замерли на краю бездонной расселины, и мне понадобятся все силы, чтобы оттащить нас от этого обрыва.

– Собери вещи, завтра ранним утром мы уезжаем. Все необходимое для недельной поездки. Отправляемся в пустыню. Только ты и я.

– А папа с Энни с нами что, не поедут?

– Нет, Энни болеет.

– Но я поеду, только если мы возьмем и ее.

Я размашистым шагом пересекаю комнату и беру в руки ее лицо. Но когда она кривится, выпускаю.

– Посмотри на меня. Ты даже близко не будешь подходить к сестре, пока мы с тобой серьезно не поговорим.

– Я не собираюсь с тобой никуда ехать! – орет Колли.

Ее вопль становится все пронзительнее. «Успокой ее, – доносится из глубин моего естества холодный голос. – Чтобы уехать, ее надо успокоить».

– Тссс, – взволнованно говорю я, поглаживая ее по спине, – не шуми, милая. Не бойся маму, она тебя не обидит. Эта небольшая поездка будет только для нас двоих, хорошо? Мы с тобой проведем время *обалденно*.

Колли больше не кричит и лишь тихо пыхтит.

– Ладно, – сдавленным голосом говорит она, – если папа присмотрит за Энни, пока меня нет, ничего плохого, думаю, в этом не будет. Может, поездка действительно пойдет мне на пользу. Здесь я много нервничаю. А в голове столько всего, что она разрывается.

– Славная девочка, – говорю я, обнимая ее за плечо.

Держать ее в узде у меня получится до тех пор, пока мы отсюда не уедем. А что потом?

Когда утром я захожу в комнату Энни с задернутыми шторами, чтобы попрощаться, она еще спит. Это хорошо. Не думаю, что мне удалось бы выдержать выражение ее лица, когда она поняла бы, что я уезжаю. Розовая звезда мягко освещает ее волосы, ресницы отбрасывают на щеки длинные тени. «Все это ради тебя, солнышко, – думаю я. – Ради тебя и ради всех нас».

Колли

Когда мы останавливаемся на заправке, мама выходит из машины. Я смотрю на ее белокурые волосы, водопадом спадающие вниз, и с наслаждением вдыхаю густые металлические испарения бензоколонок. Люблю запахи, которые человеку, по идее, совсем не должны нравиться. Клей, газ, инсектициды. Когда она садится обратно в машину, у нее плотно сжаты губы.

Щенок Дампстер жалобно скулит и тычется мордочкой в мою ладонь. Через его прозрачные уши я вижу ремень безопасности. *«Она везет нас в какое-то потайное место, – говорит он, – так что смотри, как бы чего не вышло».*

«Она везет нас в Сандайл, – насмешливо отвечаю я, – я уже бывала там, в отличие от тебя. Так что успокойся». Дампстер пессимист. Так называют тех, кто знает, как все в действительности обстоит. Но компанию мне составляет хорошую, потому как мы с ним можем общаться без слов. Но он прав, тут что-то явно не так. Воздух вокруг будто наэлектризован.

Хорошо, что мама разрешила взять косточки щенка Дампстера, хотя мне хотелось бы захватить всех своих Бледняшек. Без меня моим маленьким зверушкам будет тоскливо. Обычно они уютно устраиваются в моих карманах, а по ночам спят в ложбинках тела. Теперь же им приходится одиноко бродить по дому. Папа с Энни не умеют с ними говорить.

Рядом сидит Бледняшка Колли, смотрит в окно. О Сандайле она знает, потому что уже там была. Косточек Бледняшки Колли у меня нет. По сути, я не знаю, кто она такая. Знаю лишь, что всегда идет туда же, куда и я.

Мой взгляд устремлен на мамин затылок. Вспоминаются слова, которые сказал папа, на прощание меня обняв. Мама укладывала вещи в машину и поэтому ничего не слышала.

– Будь осторожна там, малышка, – шепнул он мне на ушко, обдав теплом своего дыхания. Мы с папой лучшие друзья. – Если станет страшно, тут же звони мне.

– А с чего мне должно быть страшно?

– Мама... бывает немного неуравновешенной.

В моей душе затрепетал страх. Я знала, что он хотел мне сказать. Ее слезы и крики чуть ли не до утра. Привычка то и дело орать на папу. А еще вранье. Я всегда могу его определить, даже если она сама не отдает себе в этом отчета. Например, я ей не нравлюсь, хоть она и клянется в обратном.

Я видела, что ей жутко хотелось узнать, рассказала ли я папе о той пощечине, которую она мне влепила. Сама не знаю, почему я этого не сделала. Может, потому, что мама на миг напомнила мне меня саму. К тому же хранить тайну – это великая сила.

Путь до Сандайла не близкий, а мы еще даже не выехали из города. Мы с Бледняшкой Колли играем в Тепляшек и Бледняшек – я смотрю в окно на людей и говорю, призраки они или нет, а Колли дает окончательный ответ.

Я показываю на мальчишку на роликовых коньках, который держит за руку маму. *«Тепляшка»*, – говорит Бледняшка Колли. А вот дядька, который спит под скоростной автострадой, Бледняшка. Хотя это проще простого: он и на вид бледный.

На какое-то время нас задерживает светофор, который все горит красным. Мама на переднем сиденье отбрасывает волосы. Я смотрю на ее лебединую шею. Даже удивительно, как она красива. Такое ощущение, что у нас с ней нет ровным счетом ничего общего. Бледняшка Колли зеваёт и показывает на парня, переходящего перед нами улицу. *«Без пяти минут Бледняшка. Рак. Не протянет и года».* «Смайлик “грустная мордашка”», – шепотом говорю я.

Роб

Мы съезжаем на обочину поглядеть на крупнейший в мире моток бечевки. Он совсем не такой большой, как я ожидала. Зато грязный. Когда-то зеленый, он выцвел от солнца и дождя и стал цвета хаки. Забор из жердей вокруг него совсем не высокий, и я, нагнувшись, чтобы приглядеться внимательнее, вижу, что его поверхность испещрена небольшими пятнами черной плесени. Вообще-то его полагалось бы хранить в помещении или хотя бы под какой-то крышей. Впрочем, я не думаю, что бечевка может столько продержаться. Скорее всего, каждые пару лет они делают новый моток. В мире нет ничего вечного. Я стараюсь не думать об этом, ведь *двадцать баксов* – цена самая что ни на есть абсурдная, но я уже заплатила, так что не могу с этим ничего поделать.

Эти мысли скользят в голове, наталкиваясь друг на друга, будто живые угри. В подобных обстоятельствах очень трудно хранить молчание, но я все равно ничего не говорю, потому что Колли стоит, широко распахнув глаза и чуть не дрожа от удовольствия. «Как огромная голова», – шепчет она не столько мне, сколько себе. Потом берет меня за руку, совершенно позабыв, что больше так не делает. Ее прикосновение отзывается жарким трепетом, от него все мое тело пробивает ни на что не похожий электрический разряд любви. «Речь совсем не обо мне, – в который раз напоминаю я себе, – это все ради Энни. Ради Энни и Колли». Я хочу проникнуться ее возбуждением, ее радостью в этот день, проникнуться этим грязным мотком бечевки, угрожающе накренившимся перед нами на сухой земле, самым ощущением жизни.

Мы стоим так, взявшись за руки, а через десять минут я говорю:

– Ну что?

А когда опускаю глаза, Колли внимательно наблюдает за божьей коровкой, опустившейся ей на рукав. Букашка с уверенным видом ползет к участку обнаженной плоти на ее руке. Колли застыла, как вкопанная. Не может ни двинуться, ни моргнуть.

– Пойдем, солнышко, – говорю я, легонько беру божью коровку кончиками пальцев и нежно сдуваю ее. Пусть себе летит в окружающий мир.

– Зачем ты это сделала? – спрашивает она, поднимая на меня свои большие глаза. – Я хотела оставить ее себе.

– Нам пора, – спустя мгновение отвечаю я, – нас ждет пирог!

На краткий миг чаша весов неподвижно замирает, не зная, в какую сторону качнуться, но потом дочь улыбается и говорит:

– Вафельный?

– Ну конечно, – отвечаю я, стараясь не думать о горах содержащегося в нем сахара, а когда мы идем обратно к машине, спрашиваю: – Ну, разве мы с тобой не *обалденно* проводим время, а?

– Еще как обалденно!

Несмотря ни на что, я слышу в ее словах теплые нотки. Обычно она проводит время *обалденно* только с Ирвином.

Это важно. Мне нужно, чтобы она расслабилась и стала мне доверять. Обычно никакого доверия между нами нет и в помине, поэтому на этот раз пусть ест что угодно. Даже сосновые шишки с арахисовой пастой, если ей так нравится. Я хочу, чтобы она насладились последними часами поездки. Хотя совершить задуманное мне от этого будет не легче.

Она поглощает вафельный торт, запихивая в рот куски размером с кулак. По ее подбородку текут взбитые сливки и сироп. Передо мной над чашкой горячей воды с лимоном поднимается пар.

– Не торопись, – говорю я, – время у нас есть. К вечеру будем дома.

Она кивает, но темп не сбавляет. Упорно работает челюстями, открыв рот. Черный зев, белый крем, пережеванные вафли.

Я ничуть не сомневаюсь, что официантка когда-то была весьма мила. Теперь же у нее морщинистое, потемневшее лицо, которое повсеместно можно встретить в Калифорнии, – лицо человека, который вырос под солнцем, но о кремах и лосьонах от него узнал, только когда уже было слишком поздно. Улыбнувшись Колли, она спрашивает:

– Хочешь еще?

– Нет, – говорю я.

Дав обещание ни в чем ей не отказывать, я буду его сдерживать, но, поскольку стоп-сигнал в ее организме отсутствует, мне приходится следить за количеством.

Официантка смотрит на меня, и на миг я вижу в ее глазах себя. Шелковистые волосы, практичная стрижка, мягкие кожаные мокасины, слаксы, изящная серебряная цепочка, выглядывающая из-под ворота белой блузки с перламутровыми пуговицами. Изысканный макияж, хорошая кожа и подтянутая благодаря долгим годам самоконтроля фигура.

Она ненавидит меня, и на какой-то момент я ненавижу себя сама. В душе вспыхивает отвращение к этой маске, которую я год от года так старательно мастерила, пока она не превратилась в меня саму, и теперь мне совершенно невдомек, что представляет собой скрывающийся под ней человек; стоит ли мне когда-то ее снять, и если да, то получится ли это.

И тут мной овладевает гнев. «Отвали, – мысленно обращаюсь я к официантке, – ты даже не представляешь, чего мне это стоило». Но вслух ничего не говорю, лишь улыбаюсь и даю двадцать процентов на чай.

Я включаю кондиционер – на большом пакете дешевой вырезки, купленном ранее в супермаркете, уже проступила влага. И хотя пластик герметично запечатан, у меня в носу все равно стоит запах багрового мяса, которое вот-вот начнет тухнуть.

Колли на заднем сиденье что-то бормочет и напевает себе под нос. Привычка водить с собой долгие разговоры, приобретенная ею недавно, меня тоже беспокоит. Иногда до моего слуха доносятся странные фразы. У нее, похоже, появилась воображаемая подруга. Для двенадцати лет такое, пожалуй, поздновато, но в этом есть определенный смысл, потому как в эмоциональном плане она всегда была осторожной, где-то даже отсталой. В типичной для нее манере эту воображаемую подругу она зовет тоже Колли. Как я могла воспитать такую дочь, для меня остается загадкой. Но даже эти изматывающие мысли не могут отвлечь от чувств, охватывающих меня при приближении к Сандайлу.

Автострада тускнеет в закатном солнце. На небе над горами высыпали первые звезды. Воздух холодеет, мир вокруг постепенно погружается во мрак. Мы поднимаем окна и включаем печку, но даже так холод пустыни находит способ забраться под нашу одежду. Это еще одно оружие Мохаве – холод, который убьет человека, если этого не сделает день. От него меня всегда пробирает дрожь. И хотя спине своим ледяным пальцем проводит смерть, мы все отчетливее понимаем, что тепло и безопасность все ближе. До нас ей не добраться. Через эту пустыню мы приближаемся к дому.

В действительности дом называется не Сандайл. В реестрах он фигурирует под соответствующим пятизначным номером. Сандайлом его по окончании строительства назвал отец. Здесь я и выросла.

Как-то летом мы попытались сдать его нескольким девочкам в коротких юбочках с бахромой. Они приехали на музыкальный фестиваль окунуться в море звуков, заодно немного полюбовавшись кактусами, и хотели выложить нам сумму, казавшуюся мне преступно огромной. Но быстро съехали. Сказали, что дом жуткий, стоит у черта на куличках и от него никуда не добраться. Плюс заброшенные строения вокруг и высокие заборы. По ночам какая-то пустынь

ная зверюга воровала у них с веревки белье, а с крыльца обувь. Они слышали, как она дышала в окна и двери. Мог ли кто сказать с уверенностью, что в Сандайле нет привидений? *Дом ведь расположен в направлении Коттонвудса, совсем недалеко от питомника Гренджерсов, который вроде бы называют щенячьей фермой?* Так или иначе, но залог мы оставили себе.

В детстве Павел рассказывал нам жуткие истории о владельцах этой фермы Лине и Берте. Они считаются одной из самых зловещих местных легенд. Колли о щенячьей ферме, конечно же, известно. Я пыталась убедить себя, что тот острый интерес, который она к ним проявляла, со временем пройдет. «Дети любят страшные истории, – думалось мне, – когда-то я и сама их любила». Документальные фильмы о настоящих преступлениях и новости о различных злодеяниях меня отталкивают, однако истории – совсем другое дело.

Но теперь мне уже не кажется, что в случае с Колли это временное явление.

Мы приезжаем сюда лишь изредка. Ирвин говорит, что пустыня навевает ему мысли о потустороннем. «И что же плохого в потустороннем?» – спрашиваю я, чтобы ему досадить. (Хотя он прав. Пустыня действительно оказывает такое влияние.) Думаю, в дом можно было бы привезти телевизор, но сама мысль об этом кажется мне такой же нелепой, как тушь для глаз у тигра. Так или иначе, но мне доподлинно известно, за что он не любит Сандайл, и отсутствие телевизора здесь совершенно ни при чем. Все дело в том, что он не любит вспоминать.

Ему хочется продать этот дом, но это один из тех моментов, в отношении которых я осмеливаюсь категорично ему возражать. До нашей свадьбы он принадлежал мне, в документах на него фигурирует только моя фамилия, так что пусть *катится колбаской*, как сказала бы Колли.

Впервые Сандайл показывается вдали, когда до него остается еще несколько миль. Потом то и дело прячется за поворотами и каменными глыбами, но каждый раз появляется опять, все ближе и ближе, будто сам едет нам навстречу, а не наоборот.

Колли дергает меня за рукав.

– Не делай так, это шелк, – рявкаю я.

– Стой! – кричит от обиды и возмущения Колли. – Ты что, *забыла*, мы же ведь в Онести.

– Нет, не забыла, – отвечаю я, хотя она права. Я просто немного растворилась в прошлом. А может, и в будущем, поди теперь узнай.

По обе стороны безлюдной автострады вокруг нас высятся развалины Онести, чем-то напоминающие скелеты. Мы всегда останавливаемся здесь по пути в Сандайл. Такова традиция. Поэтому я съезжаю на обочину и выхожу, а вслед за мной и Колли. Из земли торчат покрытые ржавчиной здания и какие-то машины, отбрасывающие в коротких зимних сумерках длинные тени. Воздух стылый. Покрытый коростой металл озарен косым светом.

Городок Онести был основан в 1870 году. В свое время в нем насчитывалось три тысячи жителей. Но когда железная дорога изменила свой пустынный маршрут и свернула в сторону Палм Спрингс, он благополучно скончался. Теперь от Онести осталась лишь проходящая по нему старая автострада, груды вывороченных балок и зазубренные жестяные крыши. На фоне розового заката чахлыми силуэтами выделяются брусья и стропила.

– Ничего не трогай, – по обыкновению говорю я.

У Колли напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

– И не подходи близко к домам.

Большинство из них уже обрушились, другим осталось стоять всего ничего. Колли что-то мне кричит и несется к руинам. Она обожает здесь бывать.

Колли

«Ну как, нравится?» – шепчу я Бледняшке Колли. «*Ничего*», – отвечает она, хотя я знаю, что городок ей по душе. Ее силуэт светится и пульсирует от удовольствия, сквозь голову проглядывает сияющая звезда.

Щенок Дампстер принохивается и машет хвостом. Затем прыгает и в слабеющем свете мчится к развалинам. Я свистом подзываю его к себе – не хочу, чтобы он здесь отстал. Его косточки у меня в рюкзаке, но каковы будут правила, если мама увезет меня отсюда без него? Так рисковать нельзя.

Я оглядываюсь назад убедиться, что мама не видела, как я свистом подозвала воображаемого щенка. Все эти дни она наблюдает за мной с повышенным вниманием. Но в этот момент лишь закусил губу и смотрит перед собой невидящим взглядом.

Я бреду по Онести. Взгляд падает на камин без стен, наполовину занесенный песком. Потом на рухнувший телеграфный столб, разломившийся в длину пополам и побелевший от непогоды. Чуть дальше виднеется лестница, ведущая в никуда, на досках которой гниль образовала изящное кружево. Но то, что приводит меня в особый восторг, прячется в зарослях лебеды.

Я тихонько обползаю их стороной, будто они могут меня услышать. Вот он. В земле широко зияет шахтный ствол. Небольшой, примерно шесть на шесть футов. Его черная пасть – на дне маленького кратера в виде воронки. Со стороны может показаться, что шахта засасывает прямо в себя окрестные камни и гравий. Склон воронки крутой и все время осыпается, подходить к нему не хочется – можно провалиться вниз. Я пинаю небольшой камешек. Он подпрыгивает, катится по наклонной плоскости, попадает в отверстие и исчезает во тьме. Шахтные стволы наподобие этого называют порталами. Какое правильное слово.

Они разбросаны по всему Онести, но вокруг этого виднеются свежие какашки. Там кто-то живет. Тепляшка или Бледняшка? А Бледняшки вообще какают? Дампстер, насколько я знаю, нет.

– Еще минута, и все, а то темнеет, – кричит мне мама.

Так оно и есть. Посмотрев по сторонам, я больше не вижу ни щенка Дампстера, ни Бледняшки Колли. Они слились с этой землей, будто принадлежат ей без остатка. Меня охватывает ужас. Что, если им вздумается остаться? Что, если все время они только этого и хотели? Даже я вижу, что здесь для них идеальный дом. Что, если они спустились в портал и теперь оказались где-то совсем в другом месте?

«Бледняшка Колли, Бледняшка Колли!» – безмолвно зову я.

Без ответа.

«Бледняшка Колли», – повторяю я шепотом.

– Колли, – зовет меня мама, – нам надо быть на месте до наступления темноты.

– Еще буквально минутку!

Все мои чувства обостряются, превращаясь в отточенное копьё. Теперь я чуть не плачу, ведь, если Бледняшка Колли и щенок Дампстер не вернутся, мне придется остаться совсем одной.

Мама размашистым шагом идет ко мне по песку. В сгущающихся сумерках ее лицо совсем не кажется нормальным и больше напоминает посредственный рисунок, за которым спрятаны кости.

– Нет! – кричу я. – Только не сейчас!

Потом мчусь от нее и забегаю под большую кучу железа, похожую на взорвавшегося паука. Потом ношусь по округе, все больше погружающейся во мрак, и пытаюсь уловить серебристый проблеск. Бросить их здесь я не могу, поэтому по широкой дуге тихо возвращаюсь

обратно к шахтному стволу. Слышу, как мама спотыкается в полумраке и зовет меня. Но без Бледняшки Колли и Дампстера я отсюда не уйду.

Впереди в потемках маячит портал. Я направляюсь к нему. Его зев кажется прочным, как черный бархат. Тихонько на цыпочках иду вперед. Вот уже кромка кратера, но ствол будто стал гораздо ближе. Я чувствую, что могу протянуть руку и коснуться его. Откуда-то слышу, как мама выкрикивает мое имя. Меня обдает своим дыханием тьма. Нежное, бархатное дуновение ветра, то в одну сторону, то в другую. А может, дыхание какого-то огромного существа, уснувшего глубоко под землей. Если Бледняшка Колли с щенком Дампстером ушли, то за ними хочу и я. Теплый мир слишком одинокий; кроме меня, в нем больше никого нет. Из портала доносится шум. Или нет? У меня чешутся ладошки. А какой он на ощупь, этот мрак?

Я обеими руками тянусь к portalу. Оттуда и правда идут какие-то звуки. Музыка, но не похожая ни на что, что мне доводилось слышать раньше. Будто ударяются друг о дружку холодные камни или трещат длинные глыбы льда...

Лодыжку простреливает острая боль. На меня набрасывается щенок Дампстер, язык меж его острых как бритва зубов похож на серебряную ложку. «Ой!» – обиженно тяну я. Не знала, что он умеет кусаться.

«Возвращайся, – говорит Бледняшка Колли, – тебе сюда еще рано».

Из-за кучи битых камней выходит мама, ее злость оцетинилась в воздухе зазубренными копьями. Она оттаскивает меня от шахтного ствола. В глаза бросаются следы моих каблучков на глинистом сланце.

Она крепко держит меня за плечи и смотрит в глаза. Ее руки словно из стали.

– Ты что, не понимаешь, что могла погибнуть?

В ее глазах мелькает желтый проблеск. Похоже на сожаление. Она выглядит *неуравновешенной*. Будто жалеет, что я не провалилась во мрак и не оставила ее в покое. Так что все-таки опаснее, портал или моя мать?

– Отпусти! – ору я.

Но она лишь властно берет меня на руки. Я окунаюсь в тепло ее тела и чувствую жаркое дыхание на своей шее.

– Садись в чертову машину, – велит она, отпуская меня, – и в жизни больше так не делай. Это не шутки, Колли.

У нее обычное, утомленное лицо, а в голосе лишь слышится привычное напряжение.

Как же мне радостно вновь оказаться в тихом гуле машины. Хорошо даже от ремня безопасности, надежно перехватившего грудь. «Куда вы подевались? – спрашиваю я Бледняшку Колли и щенка Дампстера. – Я так испугалась».

«Там было полно других собак, – отвечает Дампстер, – и я просто пошел с ними поздороваться».

Значит, в Онести есть Бледняшки. Интересно, смогу ли я когда-нибудь их увидеть? Я немного думаю об этом, пока в окно светит закатное солнце, окрашивая небо в апельсиновый цвет. О привидениях собак первопроходцев, потом о диких призраках тех, кого бросили, уйдя из этого города.

«А мне пришлось пойти за ним, чтобы забрать, потому что еще не пришло время», – добавляет Бледняшка Колли.

Зная этот ее кичливый тон, я закатываю глаза. Опять чудит. Однажды она целую неделю провисела в шкафу, как старая блузка, постоянно твердя одно-единственное слово: «*Эмболия, эмболия, эмболия*». А потом просто вновь стала нормальной, таскалась со мной по утрам в школу, пряталась в рюкзаке и отпускала злобные шуточки в адрес учителей.

«Сердце мне пронзи, в глаз иглу воткни – я умру, смотри», – напевает Бледняшка Колли. Она даже сочинила на эти слова мелодию.

«В старину так поступали, когда хотели убедиться, что ты покойник».

Сообщать ей что-то новое порой весьма забавно. Бледняшка Колли может выставить себя жуткой всезнайкой, хотя на деле не дает мне даже дорассказать историю, что для нее вполне типично.

«Смотри-ка, – говорит она, – мы уже приехали».

Роб

От страха, который на меня нагнала Колли, в груди до сих пор гулко бьется сердце. Я только на *секунду* опустила в телефон глаза, и она сразу же пропала. Бесследно исчезать она по-прежнему умеет хорошо, будто куда-то ускользая из этого мира. Я нашла ее у старого шахтного ствола, надо же было такое удумать. Она тянулась к нему с таким видом, будто увидела пони и решила его погладить. Это было очень опасно, причем ровно то, что я велела ей никогда не делать. Она легко могла съехать по каменистой осыпи и провалиться вниз. Я вышла из себя и наорала на нее – до сих пор перед взором стоят ее испуганные глаза, в которых плещется какое-то знание. Под ее ногой хрустнул камешек, она малость поскользнулась и пошатнулась. Тогда я схватила ее и оттащила от тьмы. От ужаса у меня во рту все еще стоит сладковатый стальной привкус. В то же время на поверхность, как бы я ее ни давила, пробивается и другая мысль. Рано или поздно Колли снова попытается причинить Энни вред.

Что, если мне удастся сохранить только одного ребенка? Что, если придется выбирать?

– Мам... – говорит Колли.

С моих губ срывается ругательство, я выравниваю машину, которая выехала на встречку. *Сосредоточься*. Потом останавливаюсь.

– Приехали, – обрадованно говорит Колли.

В полумраке черным силуэтом выделяются высокие ворота с пятью прутьями.

– Давай, солнышко.

Приятно слышать, что мой голос звучит нормально. Хотя до нормы мне ой как далеко.

Закрыв ворота, Колли запрыгивает обратно в машину. Как только нас со всех сторон окружает ограда, у меня тут же улучшается настроение. Когда открытая всем ветрам пустыня остается позади, мир вокруг кажется лучше. Весь ее простор забирается в голову и порождает безумные мысли. Я уверена, что все эти мои размышления были навеяны как раз ею.

Вокруг Сандайла на многие мили идет забор из сетки-рабицы. Снаружи он выглядит как правительственный объект из телешоу. Там даже есть предупреждающие знаки «Вход воспрещен». По крайней мере, были. К этому времени большинство из них, по-видимому, проржавели и отвалились. Мы проезжаем мимо сарайчиков для хранения инструментов, старых теплиц, амбаров и генераторных будок, которыми усеяна территория. По мере приближения к центру силуэты растут в высоту – это надворные постройки и конюшни, когда-то превращенные в гостевые дома и давно никем не используемые. Сквозь длинную, темную крышу проглядывает треугольник ярко-синего сумрака. Это беседка, в которой можно устроиться в одном из больших кресел, каждое из которых вырезано из цельного куска красного дерева, и полюбоваться вздымающимися за пустыней горами. Даже в дневную жару там классно как размышлять, так и работать. Мия и Фэлкон задумывали Сандайл источником вдохновения.

Загоны для собак я снесла, но высокие столбы по их углам намертво вросли в бетон, да так, что их нельзя даже сдвинуть с места. Теперь они одинокими часовыми выделяются у дороги на фоне полумрака. Лаборатории кучкуются за стеной кактусов и милосердно сокрыты от посторонних глаз. Будь у меня возможность, я бы и их сровняла с землей, но снести дом на удивление дорого, особенно здесь. В итоге я их основательно выпотрошила, навесила на двери огромных цепей и висячих замков, позакрывала их и бросила все это дело ржаветь. Их зеленые стены теперь облупились, из-под них проглядывает красноватый саман. Время от времени я хожу их проверить. Внутри не вхожу. Просто хочу убедиться, что там не обосновались привидения.

Собственно сандайл – солнечные часы, давшие название дому, – расположился в стороне от дороги, в крутой пирамиде из камней. Местечко сокровенное, явно не для любопытных глаз проезжающих мимо водителей.

Когда последний поворот дороги остается позади, в вечернем свете на нас вдруг надвигается дом. Вот мы и в самом его сердце.

На первый взгляд Сандайл кажется брошенным и даже разоренным – груда камней, наваленных перед безликим фасадом с неровной, разрушенной на вид крышей. Будто средневековый замок после плотного артиллерийского обстрела. Вокруг во все стороны разбегаются низкие кустарники и кактусы, чем-то напоминающие стариков, пригибаемые к земле штормами и продуваемые ветрами. Сам дом круглый, идеальный шар в два этажа высотой, выстроенный из массивных глыб пустынного камня. Превосходная защита от жары.

Пока я воюю с замками, Колли водит пальцами по старой вывеске, выгравированной на дереве и прибитой слева от входной двери. «СОБАКАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» – гласит на ней надпись.

– У тебя же в детстве не было домашних питомцев, – говорит она, – зачем тогда понадобилась эта вывеска?

– У нас были собаки, – напоминаю я ей, – правда, не домашние питомцы. Тебе тоже надо бы кого-нибудь завести, котенка или...

Последние слова слетают с моих губ совершенно бездумно.

– Мам, у меня уже есть щенок, – утомленно говорит Колли, – идем лучше в дом.

Когда я отпираю дверь, нас встречает знакомый запах теплого дерева и спертого воздуха. Но мне не удается сдвинуться с места. Когда я вспоминаю, что увидела в ее рюкзаке, к горлу подкатывает тошнота. Небольшой портрет из костей. Когда я велела ей его оставить, она завизжала: «Но мне надо взять щенка Дампстера с собой!»

«Главное, пусть сядет в машину», – подумала я. Касаться этой штуковины у меня не было никакого желания. Поэтому я разрешила ей аккуратно положить картину из костей обратно в рюкзак. Я подумала: «Так вот что получается, когда учишь детей кричать, не издавая ни звука?»

До меня вдруг доходит, что, собственно, она натворила. Доходит в плоти и крови. Моя дочь убила живое существо. Взяла теплого, извивающегося в ее руках щенка и... И что было потом? Подняла его тельце высоко над головой и с силой швырнула о бетон на усыпанной опавшими листьями аллее за домом? Схватила за тонкую шейку и сдавила ее, пока он брыкался, выставив белое брюшко и суча в воздухе лапками, которые, будь у него возможность вырасти, стали бы размером с картошку? А может, подмешала в миску с хлебом и молоком какого-то яда, а потом выманила его из-под какого-нибудь контейнера. У меня перед глазами стоит картина, как он жадно ест, расплескивая из миски грязной жижицей молоко и помахивая хвостиком не больше мизинца. Я представляю неподвижное лицо Колли, ее зеленые миндалевидные глаза, наблюдающие за тем, как ему становится плохо, как он скребет лапками по животу. Последний сценарий представляется мне наилучшим из всех, на которые только можно надеяться.

Откуда-то издали доносится голос Колли:

– Мам, ты что? Закрывай дверь.

«В доме собака», – говорит в моей голове Джек.

Перед глазами черные пятна. Я прислоняюсь к стене Сандайла и делаю несколько глубоких вдохов.

Переступить порог Сандайла сродни тому, что войти в пещеру и неожиданно обнаружить в ней собор. Первый этаж с открытой планировкой и высоким, под самую крышу потолком. Деревянная лестница ведет в галерею из красного кедра, огибающую весь второй этаж, от которой спицами отходят спальни. Отец говорил, что дом представляет собой колесо, объединяющее нас воедино. Я люблю это место, но в то же время знаю, каким оно обладает могуществом.

На гладких каменных этажах, мерцая в знойной дымке, лежат воспоминания. Фэлкон, Джек, Мия, Павел. Думаю, что и я. Та частичка моего естества, которая когда-то давно здесь умерла.

– Я хочу есть, – говорит Колли.

– Почему бы тебе не поздороваться с бабушкой и Мией? – говорю я.

Меня трясет. Нужно убраться куда-то подальше от ее глаз.

– А я пока приготовлю пиццу.

Она на миг задерживается, глядя на меня.

– Со мной полный порядок, – говорю я ей, – нет, солнышко, в самом деле. Просто, похоже, что-то не то съела.

– Но за обедом ты даже кусочка не проглотила, – возражает она и обеспокоенно поднимает бровь.

Все еще ребенок. Это важно помнить, кем бы там еще она ни была.

Достаю из морозильника пиццу, добавляю перец, грибы и немного сыра таледжио, купленного на рынке. Я решительно настроена так или иначе кормить ее овощами. Из бутылки с праздничным хлопком вылетает пробка. Я приобрела пару бутылок красного: в ближайшие несколько дней мне ой как понадобится выпивка.

Ставлю пиццу в микроволновку и отправляю Ирвину сообщение: «Мы на месте. Возьми мусорный пакет, ступай в комнату Колли и выбрось все, что висит на стенах». Представляю его лицо, когда он перевернет первый рисунок и увидит на обратной стороне косточки. Надо бы его предупредить, сообщив, что именно ему предстоит найти. Но он обязан испытать этот шок. Я хочу... Нет, мне необходимо, чтобы он испугался не меньше меня.

Я открываю дверь заднего хода и выхожу во внутренний дворик.

Когда-то над могилой мамы у солнечных часов рос розовый куст. Хоронить умерших на территории частной собственности в Калифорнии без надлежащего разрешения запрещено. Отец никогда не заморачивался с бумагами. Не такой он был человек. Много лет спустя заниматься всем этим пришлось мне. Все оказалось предельно просто. Вы отправляете в территориальную комиссию письмо, и *дело в шляпе*. С формальной точки зрения все наши владения теперь превратились в семейное кладбище. Два надгробия я установила ближе к дому под палисандром, чтобы видеть их из кухонного окна. Ирвин их ненавидит. Может, именно поэтому я так и сделала. Мама на самом деле лежит не здесь, но не думаю, что это важно.

Я вижу, что Колли стоит у надгробий в озаренной звездным светом ночи. Так же неподвижна, как и они. Напоминает три каменных силуэта, стирая различия между мертвыми и живыми. Интересно, что они для Колли значат, эти два надгробных камня людей, которых она никогда не видела? Я определилась в пользу двух незамысловатых обелисков, высеченных скульптором из Охая. Думаю, уже тогда намеревалась придать им лоск соответствием нормам. Или, по крайней мере, эксцентричностью.

– Солнышко, иди сюда, – зову я Колли, тень которой отделяется от двух других и направляется ко мне, словно дрейфуя легкой пушинкой среди песка и глинистого сланца.

На миг в голову приходит мысль: «Какая из них троих ко мне идет?» В тусклом свете проглядывает лицо Колли, которая выглядит совсем еще маленькой. Словно заметив это в первый раз, я радушно раскрываю ей навстречу объятия, но она отталкивает мои руки и лишь говорит:

– Пиццу давай.

* * *

Когда на званых обедах все начинают вспоминать детство, как правило за кофе, я обычно молчу. Клички хомячков, дни, когда в окрестностях появлялся фургончик с мороженым, враги

в третьем классе, телепередачи об инопланетянах, видеоигра «The Oregon trail», привычка родителей летом в наказание запирают дома. У меня ничего этого не было и в помине.

Если же кто-то спрашивает меня напрямую, я шутливым тоном говорю: «Меня туда совсем не тянет. Я выросла в пустыне, в школу не ходила, меня дома учил отец, которого, к слову сказать, звали Фэлкон. Мы выращивали овощи, держали кур, которые несли нам яйца, и корову, дававшую молоко».

Потом обычно говорят: «Как интересно». Иногда отпускают пару вежливых комментариев. «Растить в самодостаточной общине, это, наверное, удивительно». «Ого, это ведь здорово, расти на природе». В колледже, когда это еще казалось мне интересным, я отвечала с рвением и пылом. Рассказывала, как мы взяли к себе щенка койота. Рассказывала о своих родителях, учениках-хиппи, и о логовах гремучих змей в красочных пещерах к востоку от нас. Любила изыскивать способы придать своим словам более нормальное звучание. Превратила Великую Жертву в «еженедельные семейные посиделки у костра». Никогда не упоминала Джек. И думала, что вписалась.

Дабы понять, что все эти кивки и бодрые взгляды в ответ на мои слова окружающие из себя буквально выдавливают, мне понадобилось какое-то время. Людям нравилось говорить о чем угодно, только не об этом. Суть всех этих разговоров сводилась к тому, что у всех нас много общего. Я же была другой – и тем самым портила всем веселье.

Это стремление выискивать в детстве сходство сродни мистике. Какая кому разница, что два человека малышами любили одних и тех же мультяшных черепах? Различия гораздо важнее. Одного ребенка отец бил, другого нет. Один ребенок никак не мог научиться читать, у другого с этим все было в полном порядке. У одного ребенка родитель был серийным убийцей, а у другого нет.

Теперь я не вмешиваюсь в такие разговоры. Память – она как петля на шее. И порой настолько сжимается вокруг, что я задыхаюсь. Никогда нельзя сказать, что ее пробудит – запах пачули, солнечный свет, женский голос, свет от костра. Собаки, высунувшие на солнце язык. Длинные загорелые ноги в рабочих шортах, ружейная смазка, душок мяса с кровью только что из холодильника, вкус баклажана и чуть подгоревшего тофу. Какой-то крохотный чувственный импульс – и вот я снова здесь, в Сандайле, гуляю в сумерках с отцом или наблюдаю, как весной, отяжелев от зимних холодов, на тропе лежит гремучая змея, прямая, как кусок водосточной трубы. Безлюдная автострада в полуденный зной, будто плывущая под солнцем, звон перил. И тучи клубящейся пыли, от которой на коже и языке остается тонкий налет песка.

Приезжая в Сандайл, я чувствую старую Роб, скрывающуюся в сумерках, прячущуюся за очертаниями предметов, – призрак, которым я когда-то была. Получится ли у меня когда-то снова ее найти? Да и хочется ли мне этого? Когда застреваешь между двумя своими «я», охватывает жуткое чувство.

Боже милостивый, как же мне не хватает Энни. Ощущение разлуки с ребенком ни на что не похоже. От этого в душе рождается пустота. Но Сандайл – единственное на земле место, где мы с Колли можем решить проблему. В свое время я похоронила здесь свое старое «я». Здесь же придется оставить и частичку Колли.

Я звоню Ирвину.

– Привет, – расслабленным голосом говорит он.

– Мы только что вошли.

– Отлично. Вещи уже распаковали?

Он явно старается, потому как обычно не проявляет к подобным вещам интереса.

– Я устала как собака. Распакую завтра утром. Как там Энни? Я могу с ней поговорить?

– Она спит.

– Хорошо, тогда не буди ее. Ты был у Колли в комнате? Сделал то, о чем я просила?

– Разумеется, – непринужденно отвечает он, – все сделал. Там больше ничего нет.

Я кривлюсь. Врет. Говорит вальяжно, скорее всего, навеселе. И никаких косточек в глаза не видел.

Фоном доносится тихий шорох. На деле сущий пустяк, едва слышный шелест, может, даже статические помехи на линии.

– Что это? – спрашиваю я, но не успеваю вопрос слететь с моих губ, как тут же догадываюсь, что, точнее, кто это может быть.

Ирвин ни с того ни с сего переходит на агрессивный тон.

– Роб, – чуть ли не кричит он, – я, конечно, терплю всю эту чушь, но, думаю, имею право знать, что ты собралась делать, когда увезла мою дочь в...

– Дай мне Ханну, – перебиваю его я.

Он пускается в пространные, путанные объяснения о том, как она зашла к ним, подумав, что они могут в чем-то нуждаться.

– Все правильно, – говорю я, – это по моей просьбе она забегает посмотреть, как вы. На всякий случай.

Он на миг задумывается, пытаюсь сообразить, как реагировать на мои слова. В итоге, похоже, так и не находит возможности обратить их против меня и лишь говорит:

– Да. Она здесь.

– Роб? – слегка запыхавшимся голосом говорит Ханна. Чем они там занимались? Нет. Об этом не стоит думать.

– Как она?

– Утром я померила ей температуру, было тридцать восемь и три, – отвечает она, – она поела супа и немного клубники. Я дала ей тайленол. Девочка без конца спит.

– Спасибо.

Докладывать обстановку таким образом может только мать. Странно, но именно Ханна приносит мне утешение и ослабляет страх, колючей проволокой обмотавшийся вокруг сердца.

В голову приходит мысль попросить Ханну вычистить комнату Колли. Сейчас она делает для меня что угодно, в том числе и это. Но в конечном итоге я отступаю. Она такого не заслужила. Это наказание – удел моего мужа.

– Как мальчики?

За то, что она приглядывает за моей дочерью, я из вежливости должна задать ей вопрос. Но только один.

– Все хорошо. На выходные собираются взять с Ником палатки и пойти в поход.

На несколько мгновений мы умолкаем, думая об этом – Ирвин и Ханна одни, каждый в своем доме, супруги обоих благополучно убрались с глаз долой.

– Хочешь еще поговорить с Ирвином? – спрашивает Ханна.

– Честно говоря, нет.

Я жду, но, поскольку ни одна из нас ничего не говорит, через несколько мгновений вешаю трубку.

Иногда, когда мы жарким вечером сидим на крыльце, попиваем холодное шардоне или, расхрабрившись, потягиваем коктейли с текилой, я смотрю на красивое лицо Ханны и пытаюсь увидеть ее глазами Джек. Эта привычка – представлять, что она думает о предметах и явлениях, выработалась у меня со временем.

«Слишком тонкие брови, – звучит в моей голове голос Джек, – очередная блажь, которой все мы увлекались, когда были помоложе, таская на шее чокеры и выщипывая брови, пока они не превращались в прочерченную карандашом линию. Спорю на что угодно, что Ханна пережила фазу гота. Нику определенно выпала пара очень непростых лет. Это можно прочесть между строк в его рассказах о Тихуане. У нее кремовая блузка и отличный спрей-автозагар. Руки и ноги она держит в тонусе, но блузка на ней великодушно свободная. По всей видимо-

сти, чтобы скрыть живот. После рождения двух детей в этом нет ничего удивительного. Блузка, должно быть, новая – сохранить такой чистый цвет в доме, где есть ребяшня, в принципе невозможно. Ногти обкусаны до самого мяса».

Я говорю себе, что подобным образом держу рядом мою острую на язык сестру – в своей голове. Однако в действительности Джек никогда не только ничего не говорила о Ханне, но даже и не думала. И понятия не имела ни о юношеской блажи, ни о чокерах, ни о том, что такое иметь детей. Для меня это лишь способ не отказывать себе в удовольствии немного позлорадствовать.

Я иду пожелать Колли доброй ночи.

А когда вхожу в ее затемненную комнату, она даже не слышит. Стоит у окна на коленях и что-то мурлычет себе под нос. Тычет пальцем в пустынную ночь за окном и нашептывает какие-то слова. Тут до меня доходит, что моя дочь считает звезды, – как на ее месте мог бы считать любой другой ребенок.

Колли

Меня будит Бледняшка Колли. Ей нравится болтать по ночам, когда почти все сущее спит в теплых постельках, в земле, на деревьях или под водой. *«Послушай меня, Тепляшка Колли, это очень важно».*

От того, что мне не дали поспать, я недовольно стону. «Чего тебе?» Время от времени Бледняшка Колли рассказывает мне что-нибудь интересное. Например, о том, где найти щенка Дампстера. Она сразу поняла, что благодаря мне он станет нашим другом. Так оно и вышло, его косточки я взяла. Теперь он ворочается рядом со мной, энергично воюя с невидимыми комарами. Машет в темных углах хвостом, жалобно скулит и глядит на звезды в окне. Щенок Дампстер видит то, что не дано даже Бледняшке Колли. Его темные глаза таят свои секреты.

«Чего тебе?» – опять шепчу я.

«Твоя мать, – отвечает она. – Мне известно, почему она нас сюда привезла. Из-за костей».

«Тоже мне, Америку открыла, – говорю я. – Кто бы сомневался, что от их вида она буквально взбесится. Теперь поди раздумывает, в какую бы исправительную школу для малолетних преступников меня определить».

«Нет, тут что-то еще. Что-то странное».

«Тебя послушать, так у тебя все странное».

Это чистая правда. Тепляшек Бледняшка Колли не понимает.

«Тебе разрешается есть что угодно», – говорит она.

«Ну и что?»

«Ты когда-нибудь слышала о последнем ужине перед казнью? Приговоренным к смерти дают все, что они пожелают, перед тем как убить».

Сердце в груди отзывается непривычным двойным толчком. А ведь она права. Раньше мама никогда себя так не вела. И только один ответ в сложившейся ситуации имеет смысл – что ей теперь совершенно наплевать. Ей по барабану, чем меня кормить, потому что она сдалась. Никогда не думала, что мне будет не доставать этих батальи, но сейчас у меня ощущение, будто из глаз вот-вот брызнут слезы.

«Ты бы лучше приглядывала за ней, – говорит Бледняшка Колли. – Я понимаю, она твоя мать, но она не нормальна. Ты не хуже меня знаешь, что мы нашли у нее в кабинете».

«Знаю». Мы с Бледняшкой Колли внимательно следим за всем, что происходит в доме. (Сыщик. С лупой!) Поэтому по ночам просматриваем корешки чековых книжек, ежедневники и шкафчики с лекарствами. Знаем, что мама время от времени покупает раствор для контактных линз, хотя ни она, ни папа их сроду не носили. Странная женщина. Мы всегда знаем, когда папа заводит на стороне очередную даму. Признаки есть всегда. Я, вполне естественно, на его стороне. Мы с папой лучшие друзья. Мама – смайлик «багровая сердитая мордашка».

Хорошо, что она пишет от руки: ни тебе компьютера, ни паролей. Читать ее тайные истории весело. Никогда не ожидала такого от матери. Кровь, вспоротые животы и вонзенные в сердце ножи. Внешне она выглядит хрупкой ухоженной блондинкой, но ее душа таит в себе множество странностей.

«Пока мы ехали сюда, – продолжает Бледняшка Колли, – она размышляла, кого из вас выбрать, тебя или Энни. Думала о тебе как о покойнице».

У меня холодеет кожа. Тут же вспоминаются слова папы, который сказал, что мама бывает неуравновешенной.

«Ты просто неправильно поняла», – говорю я, стараясь вложить в голос побольше уверенности.

Бледняшка Колли воодушевляется все больше.

«Вот было бы здорово, если бы ты тоже стала Бледняшкой».

«Может быть, – осторожно говорю я. – Не думаю, что мне хочется умереть. А сейчас, по правде говоря, я очень хочу поспать».

Бледняшка Колли не понимает многих вещей, в том числе того, что мне нужно спать. Если ее не остановить, она будет тараторить до самого утра или пока я не заплачу. Ее присутствие может утомить так, что мало не покажется. Но, поскольку она всегда рядом, у меня попросту нет выбора.

«Я буду недалеко, немного понаблюдаю, – говорит она, – хочешь увидеть приятный сон?»

«Конечно хочу», – не без опаски отвечаю я. Бледняшка Колли не всегда понимает, что приятно, а что нет, а вкусы у нее весьма специфичные. Не хочу ее обижать, тем более что в этом ничего веселого тоже нет.

На этот раз у нее получается хорошо. Я плаваю в каком-то темном бассейне, на поверхности которого мокрыми белыми лепестками колыхается яблоневый цвет. В воздухе стоит запах персиков, нагретых в вазе на залитом солнцем подоконнике. По морю галопом мчится бычок цвета раскаленной меди, вздымая ногами волну, разбрызгивая в ясном воздухе капли воды, похожие на бриллианты. Воспоминание принадлежит не мне – но тогда кому? На миг в голову приходит мысль, где я могла слышать о коровах цвета надраенного до блеска пенни, но потом сон смыкается надо мной, и вот меня уже нет.

Проснувшись поздно, встаю, чтобы посмотреть на часы. Они здесь везде, надо только уметь их распознавать. Это, конечно же, одуванчик. Это сыплющийся в миску рис, каждое зернышко которого знаменует собой течение времени. Школьное домашнее задание, подвявшее яблоко, дерево в ожидании весны. Все они служат мерилom живой жизни перед тем, как наступит смерть. Тик-так.

Я думаю о том, что ночью сказала Бледняшка Колли. Все это, может, и ерунда, но то, что мы здесь, точно необычно. Как необычна и мамина доброта ко мне. Как правило, она смотрит на меня так, словно я коврик, который ей хочется разглядеть. Или, того хуже, в ее глазах мелькает проблеск удивления, будто она лишь секунду назад вспомнила о моем существовании.

Я выхожу из дома в багровый рассвет. Здесь, в пустыне, часы сотворены из ветра и песка. Они небольшими барханами льнут к стенам дома, образуя дюны везде, куда простирается взор. И отмеряют то, как далеко я могу пойти днем в жару или ночью, когда до костей пробирает холод, пока не умру. Не очень далеко – вот каков будет ответ. До ближайшей заправки от нас двадцать миль. Мои косточки будут лежать в пустыне, а дружить мой одинокий призрак сможет разве что со стервятниками да змеями. Впрочем, может, оно не так уж и плохо. Или же мама, не исключено, похоронит меня рядом с Фэлконом и Мией, а окружающим скажет, что я ушла в ночь и не вернулась. Или что на заправке выпрыгнула из машины и умчалась в никуда.

Ясно только одно – идти отсюда некуда. Я смотрю, как солнце разливает свой багрянец над могилами и песком. Не хочу лежать бледная и холодная в песке рядом с Фэлконом и Мией.

На западе небо над Коттонвудскими горами еще не посветлело. Именно там располагалась щенячья ферма. Однажды я спросила маму, можно ли нам сходить туда на нее посмотреть, но она вся побелела и поджала губы. Грейнджеры. От них меня бросает в дрожь, а от мысли о том, что они натворили, в душе рождается лихорадочное, обжигающее чувство. В конечном счете Берт убил Лину, а сам умер от передоза. Думаю, что, привыкнув убивать, можно отправить на тот свет кого угодно, даже собственного мужа или еще кого. Хотя та история случилась много лет назад, здешние края всем хорошо знакомы – это все равно что жить рядом со знаменитостью.

Мне на затылок ложится холодная рука. Я с криком пускаюсь бежать, но она хватается за меня железными клещами.

Мамино лицо – сгусток тьмы. В ее пшеничных волосах, спадающих вниз, играют красные рассветные отблески.

– Что будешь на завтрак, ранняя пташка?

Блины невероятно хороши, хрустящие по краям и золотистые посередине. Мама позволяет мне не только полить их сиропом, но и добавить мороженого. От этого меня слегка пробивает дрожь, типа *ничего себе*. Но это, господи боже ты мой (хорошая фраза, что-то вроде тайного ругательства), всего лишь сироп и мороженое, не более того. Бледняшка Колли внушает мне странные мысли. Сейчас, на кухне, озаренной теплым солнечным светом, который сочится сквозь стеклянную дверь, я вижу, что у мамы действительно утомленный вид.

И решаю устроить проверку.

– Можно мне чашечку кофе?

Она не отвечает мне привычным хохотком, не говорит гадостей и не вскидывает бровь, хотя обычно поступает именно так. Сейчас она вообще молчит. Лишь берет из шкафчика чашку и наполовину ее наполняет. Потом доликает доверху молока, но все же дает мне ее выпить.

– Мам, – спрашиваю я, – с тобой все нормально?

– Да, – говорит она. – Мы же проводим с тобой вместе совсем мало времени, правда, солнышко? Нам надо было сделать это давным-давно. Уехать и по-настоящему поговорить друг с дружкой, только мы вдвоем.

– Смайлик рожицы, закатившей глаза, – говорю я и сама устремляю взгляд в потолок, изображая страдание. В то же время меня накрывает волна облегчения. Надо было сразу понять. Это еще один эпизод сериала под названием «Хорошая мать». Время от времени она пытается устанавливать между нами связь, будто на самом деле меня любит. Ее уловка совсем не работает, но она убедила себя, что ее вины в этом нет, и теперь рассказывает всем, как со мной трудно.

Я поверить не могу, что чуть было не восприняла слова Бледняшки Колли всерьез. Слишком часто она ошибается. Однажды даже попыталась убедить меня, что лось родственник лосося и только поэтому их названия так похожи друг на друга. Типа, серьезно? Смайлик в виде клоунской мордашки.

Роб

Я встаю, когда за окнами еще брезжит серый рассвет. Надо совершить паломничество, не предназначенное для глаз Колли.

С мясом разделаюсь по пути туда. Я достаю из кухонного шкафчика фонарик с резиновыми перчатками, а из холодильника большой пакет для мусора с дешевой вырезкой и перекидываю его через плечо. Пустыня исполняет свою привычную музыку – шепот и переключки в ночи вот-вот утихнут под напором дня. Дойдя до ограды с западной стороны, я засовываю в пакет руку в перчатке, зачерпываю пригоршню мяса и швыряю через проволоку. Оно с холодным шлепком шмякается по ту сторону на землю. Я повторяю этот жест каждые сто ярдов или около того. Если угодно, это можно назвать жертвоприношением.

Когда в пакете ничего не остается, я с хрустом его складываю и кладу в карман. Потом поворачиваюсь в направлении тихого журчания бегущей воды, освещая фонариком землю перед собой. Ночью в пустыне становятся активнее скорпионы и змеи.

Передо мной маячит пирамида из камней, внутри которой незримо бормочет вода. Пересыхает ручей редко, даже в самую немыслимую жару или самую засушливую зиму. Можно в любой момент услышать его эхо в каменной ловушке. Перед ним полукругом выстроилась вереница камней. Каждый носит название месяца. Вокруг идет внешний круг с высеченными на нем числами. Еще один расположился в центре. Этот показывает, где должен стоять человек, занимающий место иглы и отбрасывающий тень, по которой можно определить время. Это и есть сандайл, те самые солнечные часы, что дали название дому и его окрестностям. Их смастерил Фэлкон, стремясь сделать нас частью этой земли, частью неумолимого бега времени. Здесь, в этих солнечных часах, мы становимся точкой их пересечения.

Когда небо над горизонтом все больше окрашивается в розовый цвет, я осторожно ступаю на камень, служащий центральным маркером. В набирающем силу свете постепенно проявляется моя тень, худая как скелет: темная, другая Роб, раскинувшаяся над числами. Эта тщедушная тень-Роб говорит, что сегодня 23 января. Я удивленно ахаю, как и всегда от этого маленького чуда. Я участвую в движении звезд, играя роль тщательно высчитанного неподвижного центра вращающейся Солнечной системы. Вот что, должно быть, чувствовали первобытные люди, когда над горизонтом снова и снова поднималось солнце, рассеивая мрак. Изумление.

Но причина моего прихода сюда совсем иная.

– Прости, – шепчу я, – мне страшно тебя не хватает. Я люблю тебя.

И скорбь, которую я пыталась давить всеми аспектами моей новой жизни – полками для пряностей, дочерьми, цветочными бордюрами, коктейлями с соседями и заседаниями родительского комитета, – рвется наружу. Я полностью погружаюсь в тоску. И плачу до тех пор, пока не начинает першить в горле, пока в глазах не пересыхает от соленых слез.

В багровом свете подхожу к дому. Колли уставилась на могилы Фэлкона и Мии. На заре она отбрасывает длинную тень. Шевелит губами, но слишком быстро, как при ускоренном воспроизведении. Взгляд совершенно пустой.

Несколько мгновений спустя я придаю лицу более подходящее выражение и подхожу к ней.

– Что будешь на завтрак, ранняя пташка?

«Я люблю обеих своих дочерей. И могу каждой из них обеспечить безопасность».

Эти слова я заклинанием повторяю вновь и вновь.

Эрроувуд

В сарае было тихо. Колли положила руку на гладкую шею коровы цвета раскаленной меди. Та опустила свои длинные ресницы и подалась вперед навстречу прикосновению девочки. «Ты даже не догадываешься, кто я такая», – подумала Колли. Корова считала ее хорошим человеком, поэтому ее присутствие, пусть даже на короткое время, приносило ей утешение.

Подняв глаза, Колли перехватила обращенный на нее взгляд мисс Грейнджер.

– Подруги с тобой не разговаривают, – сказала учительница, – я помню, как это может быть тяжело.

– Откуда вы знали мою мать?

– Роб? Мы были лучшими подругами. А когда нам было столько, сколько сейчас тебе, вместе учились в пятом классе Изыщных здесь, в Эрроувуде. Честно говоря, я пришла в этот сарай, потому что думала о ней. Ведь мы с ней познакомились на этом самом месте. Роб и Ири, неразлучные как всегда. Видишь ли, меня зовут Ирвин Грейнджер.

«Как странно», – подумала Колли, стараясь представить мисс Грейнджер молоденькой девочкой. Она совершенно не помнила мать, исчезнувшую давным-давно, о которой в семье больше не говорили. В частности, никто и никогда не произносил слово «ведьма».

– Пошарив внизу, порой можно обнаружить самые удивительные находки.

Корова переступила с ноги на ногу. Под ее правым передним копытом показалась какая-то пачка. Наклонившись посмотреть, Колли увидела стопку долларовых банкнот.

– Похоже, эта корова всю дорогу копила деньги, – сказала мисс Грейнджер.

Но ее лицо сохраняло серьезность.

– Или, может, это ты их здесь спрятала, Колли?

– Я их туда не клала, – прошептала девочка, наклонилась и схватила деньги. – Их надо сейчас же отдать Джек.

Мисс Грейнджер поставила на шею Колли ногу в шелковой домашней туфле, и как та ни силилась, подняться все же не могла. При этом происходило что-то еще – она почувствовала, как по сараю пронесся порыв ледяного ветра. Корова склонила голову и испуганно рванулась вперед. Колли услышала, как она боднула своей рогатой головой стену, отчаянно пытаясь убежать.

– Ты лжешь, – скорбно произнесла мисс Грейнджер. – Для юной леди обман – это просто ужасно. Мама тобой так разочарована. Взгляни на ее лицо.

Она убрала с шеи Колли ногу и подняла ее подбородок, сунув под него большой палец, чтобы девочка могла увидеть, что именно породило порыв стылого, завывающего ветра. Посреди сарая на цепи висел какой-то предмет, похожий на длинный серый кокон высотой с человека. Его края переливались оттенками серого от серебристого до оловянно-свинцового. Он медленно вращался. Колли всхлипнула. В тусклом свете, струившемся сквозь зарешеченные окна сарая, Колли увидела то, чего жутко страшилась: у кокона имелось лицо, очертания которого были смутно высечены на размытой, серой поверхности. Лицо зашевелилось в крике женщины. Лицо ее матери.

– Она умудрилась остаться в живых, – мрачно произнесла мисс Грейнджер. – Тебе бы лучше считать, что сейчас она смотрит на тебя. Роб и Ири, мы и сейчас неразлучны.

Лицо кокона открыло сжатый в тонкую линию рот, чтобы заговорить. Колли закричала, и в сарае воцарился мрак. Кокон сиял, медленно поворачиваясь в воздухе, как висельник.

– Пора бежать, – сказала мисс Грейнджер, и Колли схватила ее за руку.

Колли

Мама думает, что мы с Энни не ладим, но ей не понять. Мы с Бледняшкой Колли сделали бы что угодно, чтобы защитить мою младшую сестру. И когда кричим на нее или бьем, то ради ее же собственного блага. В действительности Энни плохая девочка. Она так нуждается в дисциплине. Мама не призывает ее к порядку, потому что она ребенок, поэтому приходится мне. О том, как дисциплине учу ее я, она, очевидно, ничего не знает. Иначе с ума бы сошла.

Энни мечтательное, сонное дитя, в то время как мы с Бледняшкой Колли – реалисты. Мы знаем, что мир суров и в нем нельзя просто болтаться туда-сюда, надеясь, что окружающие тебя простят, если ты состроишь им глазки или немного всплакнешь. Время от времени она пытается проделывать такое со мной и *страшно* удивляется, когда это не проходит. Тем не менее мы с ней прекрасно ладили, по крайней мере до истории с Марией. Ох уж эта Мария.

Мы с Энни вместе обедаем. Это наша фишка. Мне нравится видеть ее посреди учебного дня. Не то чтобы я за ней слежу, но мне, по возможности, приятно знать, где она в данный момент находится. Друзей у меня, думаю, немного, что хорошо и для меня и для нее. На краю школьной площадки для игр стоит большая скамья, почти полностью утопающая в густой живой изгороди. Если там сесть, из главного корпуса тебя никто не увидит. Нам там нравится, потому что это позволяет улизнуть от мамы. Она преподает в школе – не в наших классах, но это все равно раздражает. И целыми днями пытается нас контролировать, что жутко неловко. Время от времени она дожидается меня после урока математики. Так что скамейку мы любим по той причине, что там нас не видит мама.

Однажды Энни там не появилась. Прошло десять минут, двадцать, почти закончился перерыв на обед. Я сходила с ума от беспокойства. Может, она заболела? Может, с ней решила поговорить какая-то училка? Когда я стала размышлять о том, что она может этой училке наговорить, меня уже не на шутку охватила тревога. Смайлик в виде мордашки со стиснутыми зубами!

Потом до моего слуха донеслось ее хихиканье. Она умеет так тихо, мило посмеиваться, что ее не спутать ни с кем другим. Я подняла глаза и увидела ее в десяти ярдах. Она сидела на стене и поглощала сэндвич на пару с девочкой, похожей на старую китайскую куклу. По сути, они обе такие. Идеальная кожа, шелковистые волосы и личики в форме сердечек. Две идеальные куколки, сидящие на стене и болтающие ножками.

– Эй! – завопила я.

Завидев меня, Энни улыбнулась.

– Привет, Колли, – сказала она и помахала мне рукой, будто ничего не случилось, будто я не испугалась, как никогда в жизни, будто мы весь этот год не обедали вместе на этой скамье.

Не веря своим глазам, я тоже махнула ей рукой в ответ.

После этого Энни стала проводить с Марией все перемены и вместе обедать. Они заплетали друг дружке косички и в знак вечной дружбы мастерили из цветной проволоки браслеты. Внешне все было совершенно безобидно. Если Энни мечтательница, то Мария, можно сказать, перманентно пребывает в коме. Вскоре она стала бывать у нас дома, они садились в комнате Энни и о чем-то шептались, словно не замечая больше никого вокруг. Стоило мне заговорить с Энни в присутствии Марии, как она обалдело смотрела на меня, словно только что проснулась. Казалось, что они заперлись в своем собственном пузыре. Всегда чуть ли не соприкасались головами с одинаковыми темными шелковистыми шевелюрами. Как по мне, они выглядели сестрами. Постоянно менялись одеждой, а Энни даже стала носить нижнее белье Марии.

Я заметила, что единственным предметом, которым Мария не желала делиться с подругой, был ее пурпурный ободок для волос. Самый обыкновенный, из пластмассы, который

можно купить в любой аптеке. Меня разобрало любопытство, жутко захотелось узнать, почему эта безделица ей так дорога. Когда они в очередной раз стали шептаться, я решила их подслушать. Думаю, подружки даже не заметили, что я рядом. То, что они были так поглощены друг дружкой, мне было только на руку.

– Мне его подарил папа, – услышала я слабый, едва слышный голосок Марии, – подарил, чтобы, даже когда его нет рядом, я знала, что он думает обо мне.

Я видела, что Энни и Мария сближаются все больше и больше. А по личному опыту знала, что в таких случаях люди нередко совершают опрометчивые шаги. Проговорив об этом с Бледняшкой Колли всю ночь, мы придумали, что надо делать.

В субботу утром Мария по обыкновению пришла к нам. Ее мама с удовольствием ее отпустила. У нее всегда под глазами мешки и наверняка куча дел, развод и все такое прочее. Неудивительно, что у нее попросту нет сил контролировать свою апатичную дочь.

Стояла жара, поэтому мама поставила пластиковую водную дорожку на нашу лужайку на заднем дворе, чтобы ее можно было видеть из окон кухни. Одежду и школьные принадлежности девочки оставили в комнате Энни. А когда через несколько часов вернулись мокрые обратно, скукожились и сверкали большими глазами, как две маленькие мышки. Потом поднялись на второй этаж переодеться, оставляя на ковре мокрые следы. Поскольку мама их за это немного пожурила, пропажу ободка для волос Мария обнаружила не сразу. Мама ненавидит, когда что-то теряется, поэтому перевернула весь дом вверх дном.

– Ты, наверное, забыла его снять перед тем, как идти на улицу, – без конца повторяла она, – и теперь он, скорее всего, валяется где-то на лужайке.

– Ничего я не забыла!

Даже слезы у Марии выглядели весьма мило.

Ни на какой лужайке ободок не лежал. В конечном итоге кому-то пришлось в голову заглянуть к девочкам в рюкзаки. Как всегда мама, она у нас мастерица решать проблемы.

– Ты, наверное, по ошибке сунула его в рюкзак Энни, – сказала она Марии, – смотри, немного суперклея без труда решит проблему.

– Спасибо, – ответила Мария, но, когда она посмотрела на Энни, я поняла, что все кончено. Мама ничего даже не заметила. Взрослые, слава богу, такие тупые.

* * *

– Я все расскажу.

Силуэт Энни маячил в дверном проеме моей комнаты. Я включила свет. Она, должно быть, и правда не на шутку рассердилась, ведь она терпеть не может вставать с постели, когда в комнате темно. Ее жалкое красное личико было все в слезах и соплях. Для разнообразия было интересно наблюдать за тем, как она приобретает человеческий облик.

– Какая же ты злая, Колли. Не хочешь, чтобы у меня были подруги. Меня от этого уже тошнит. Я расскажу, расскажу, расскажу! Мама попросит Марию подружиться со мной опять, а тебя отправит в спецшколу или в тюрьму для несовершеннолетних.

– Не отправит, – возразила я, хотя сердце в груди гулко ухнуло, возвещая о замаячившей на горизонте опасности.

– Нет, отправит, – хныкала Энни, – я покажу ей, что ты делаешь с животными.

Наказание всегда должно соответствовать преступлению, так гласит здравый смысл, поэтому к делу мне пришлось подойти творчески. И при этом быстро, пока Энни не сообразила, что я хочу сделать. Я взяла со стола инструментальный нож, которым раньше пользовалась, когда вырезала фигурки для школьной диорамы первопроходцев.

– Не надо! – сказала она. – Пожалуйста!

Но продолжать дальше уже не могла, потому что я схватила пальцами ее язык. Инструментальный нож был очень тонкий и острый. Я всегда точила их достаточно, чтобы одним прикосновением рассекать плоть. Приставила его кончик к языку Энни. Знала, что наказание вышло отличное, потому что по всему телу растекся какой-то цветастый жар. Так бывало, когда я все делала правильно. Ощущение яркое, будто кто-то заглатывает тебя живьем. Не могу сказать, приятное оно или жуткое, но от него мне сразу становится ясно, что работа проделана хорошо.

В действительности мне совсем не хотелось ничего такого делать, но ее следовало проучить.

– Почему ты заставляешь меня делать тебе больно? – спросила я.

Энни заплакала, вслед за ней и я. Потом отняла от ее языка инструментальный нож и осторожно положила на стол. Я знала, что из меня получилась паршивая сестра. Если бы я ее правда любила, то нашла бы в себе мужество ее наказать. К тому же цветистое, рвущееся наружу чувство стало угасать, и в душе вновь воцарилась пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.